

ЗА ВѢРУ
ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 г.
ВЪ КАРТИНАХЪ

МОСКВА

ИЗДАНИЕ
И. СЛАПИНА
ПАРИЖЪ

БОРОДИНО

Военный советъ въ Филяхъ 1 сентября 1812 года.

Находится въ Третьяковской галлерей (въ Москвѣ).

Цѣль, значеніе и составъ совѣта въ Филяхъ выяснены въ нашемъ „Очеркѣ войны“.

На этомъ совѣтѣ высшіе начальники русскихъ войскъ обсуждали вопросъ о судьбѣ Москвы: принять-ли передъ нею бой съ арміею Наполеона или-же допустить въ нее непріятеля безъ боя. Тема эта всегда будетъ волновать Русскаго. И понятно, что совѣтъ въ Филяхъ не только описанъ историками, но послужилъ также темою для художниковъ слова и рисунка: Л. Н. Толстого въ безсмертномъ твореніи „Война и миръ“ и А. Д. Кившенко въ картинѣ. Нашъ историкъ (М. Богдановичъ) описалъ его съ существенной стороны. Толстой своимъ художественнымъ талантомъ воспроизвелъ подробности, одухотворяющія краткое сообщеніе факта. Описаніе Толстымъ совѣта въ Филяхъ, вѣрное исторически (по Богдановичу), полно драматизма и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненной правды. Кившенко въ подробностяхъ своей картины воспроизвелъ описаніе Толстого. А потому нельзя дать лучшаго поясненія картинѣ Кившенко, какъ привести соответственныя строки изъ „Войны и Мира“.

Но прежде два слова о дѣйствующихъ лицахъ. На картину Кившенко они, очевидно, списаны съ портретовъ Доу, находящихся въ военной галлерей Зимняго дворца. Лица, принимавшія участіе въ совѣтѣ, размѣщены на картинѣ Кившенко слѣдующимъ образомъ. Въ креслѣ сидитъ Кутузовъ. На скамейкѣ, стоящей вдоль стѣны, сидятъ, начиная отъ Кутузова: Коновницынъ, Раевскій, Остерманъ-Толстой, Барклай де Толли, Уваровъ и Дохтуровъ. Затѣмъ стоитъ, опершись на столъ, Ермоловъ. По другую сторону стола сидятъ, считая отъ Кутузова: Бенигсенъ (на раскрытомъ плащѣ) и Толь. За Кутузовымъ стоитъ Кайсаровъ.

Теперь будетъ вполне понятно слѣдующее описаніе совѣта Толстымъ *):

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и постоянно покрхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе, одинъ за другимъ, подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адьютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и со своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотившись на руку свою широкоую со смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взгляды Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ своему столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слы-

*) Изъ него опущено только нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ отъ роли художника, въ которой онъ гениаленъ, переходитъ въ роль мыслителя.

шалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи! вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человека. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасеніе Россіи въ арміи. Выгоднѣ-ли рисковать потерей арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откатнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патриотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена . . . . .

Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось предъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длиннопольнымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ за тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополую, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошепелъ по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, сказалъ Кутузовъ, — не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ на примѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, приискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть бы Фридрихское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ *), было... не вполне удачно только отъ того, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля... Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ, Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало бытъ мнѣ платить за перебитые горшки, сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. — Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступленіе **).

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ-же страшномъ вопросѣ: „Когда-же, когда-же наконецъ рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшилось вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?“

— Этого, этого я не ждалъ, сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру; — этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ-же! Будутъ они лошадиное мясо жрать какъ турки, не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу, — будутъ и они, только бы...

*) Мы проиграли его въ 1807 году. Нашими войсками командовалъ Бенигсенъ.

**) Нашъ историкъ (М. Богдановичъ) приводитъ заключительныя слова Кутузова на французскомъ языкѣ, а именно: „Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite“.

Совѣтъ въ Филяхъ, повидимому, шелъ на французскомъ языкѣ. Вѣроятно, — для Бенигсена, который не владелъ русскимъ языкомъ.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Передъ Москвою. Ожиданіе депутаціи бояръ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

2 сентября армія Наполеона подошла къ Москвѣ. Наполеонъ взѣхалъ въ 2 ч. дня на Поклонную гору и, увидя разстилавшуюся древнюю столицу Русскаго Царства, обратясь къ свитѣ, сказалъ: „Наконецъ вотъ онъ этотъ знаменитый городъ“. И потомъ прибавилъ: „Да и пора!“ Сойдя съ коня, онъ долго въ зрительную трубу разсматривалъ Москву и ея окрестности; затѣмъ приказалъ разложить на землѣ подробный планъ ея и, смотря въ него, разспрашивалъ о важнѣйшихъ пунктахъ города у одного изъ своихъ секретарей, хорошо знавшаго Москву. Потомъ онъ долго слѣдилъ за расположеніемъ своихъ войскъ, которыя подобно густымъ тучамъ облегли ее съ запада, и наконецъ пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ всѣмъ колоннамъ продолжать движеніе къ Москвѣ. Раздались восклицанія „Да здравствуетъ Императоръ“, и непріятельскія войска устремились къ Москвѣ. Кавалерія скакала во весь опоръ, артиллерія старалась не отставать отъ нея, пѣхота бѣжала. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, лязганье оружія, говоръ солдатъ—все смѣшалось въ ужасный гулъ. Столбомъ поднялась страшная пыль...

Черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ былъ у Дорогомиловской заставы. Онъ сошелъ съ лошади и началъ ходить впередъ и назадъ, готовясь принять депутацію отъ Москвы. Но ожиданія его были напрасны: никто не являлся. По мѣрѣ ожиданія, онъ началъ обнаруживать признаки нетерпѣнія. Очевидецъ (Корбелецкій) рассказываетъ такъ: „Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и беспорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ-бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ ее, и это повторяется нѣсколько разъ. Въ такомъ состояніи Наполеонъ находился битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли передъ нимъ неподвижно“.

Наконецъ изъ авангарда прискакалъ присланный къ нему офицеръ съ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы жителями. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить. „Москва пуста!! Это невѣроятно. Можетъ быть, испуганные жители не знаютъ, какъ сдаваться. Надобно удостовѣриться. Отправьтесь туда и приведите мнѣ бояръ!“ сказалъ онъ одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ и послалъ его въ Москву.

Прождавъ еще нѣкоторое время, Наполеонъ, сѣлъ на коня, взѣхалъ въ Дорогомиловское предмѣстье и расположился со всею свитою въ нѣсколькихъ обывательскихъ домахъ, гдѣ изъ московскихъ жителей не оказалось никого, кромѣ четырехъ дворниковъ.

Въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстой даетъ художественное изображеніе остановки Наполеона на Поклонной горѣ. Воспро-

изводя этотъ фактъ по даннымъ исторіи (по М. Богдановичу), онъ передаетъ тѣ думы, которыя должны были проходить въ умѣ Наполеона при обзорѣ величественной Москвы и ожиданіи депутаціи бояръ. Вотъ нѣсколько строкъ оттуда:

„Городъ, занятый непріателемъ, подобенъ дѣвушкѣ, потерявшей невинность, думалъ онъ (какъ онъ и говорилъ это Тучкову въ Смоленскѣ). И съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ, невиданную еще имъ, восточную красавицу. Ему страшно было самому, что наконецъ свершилось его давнишнее казавшееся ему невозможнымъ желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ *) то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его“.

„Но развѣ могло быть иначе? подумалъ онъ.—Вотъ она эта столица; она лежитъ у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ и что думаетъ онъ? Станный, красивый, величественный городъ! И странная, величественная эта минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ! думалъ онъ о своихъ войскахъ. „Вотъ она награда для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ“, думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска. „Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица царей. Но мое милосердіе всегда готово снизойти къ побѣжденнымъ. Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ. Но нѣтъ, это неправда, что я въ Москвѣ“, вдругъ приходило ему въ голову. „Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми куполами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма я напишу великія слова справедливости и милосердія... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значеніе того, что совершилось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ). Съ высотъ Кремля,—да, это Кремль, да—я дамъ имъ законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью поминать имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хотѣлъ и не хочу войны; что я велъ войну съ ложною политикою ихъ Двора, что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счастьемъ войны для униженія уважаемаго государя. „Бояре, скажу я имъ, я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ“. Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ всегда говорю—ясно, торжественно и велико“.

*) По Толстому, Наполеонъ взѣхалъ на Поклонную гору въ 10 ч. утра. Это небольшое отступленіе отъ исторической правды нужно было автору для болѣе эффектнаго изображенія Москвы въ утреннемъ освѣщеніи.

17

*В. Верещагинъ.- Наполеонъ передъ Москвой
ожидаетъ депутацію бояръ.*

Графъ Ростопчинъ выдаетъ народу купеческаго сына Верещагина.

2 сентября утромъ, въ день оставленія Москвы нашею арміею, нашими гражданскими властями и остатками ея населенія, главнокомандующій ея — графъ Ростопчинъ — собирався уже выѣзжать. Въ это время къ его дому подошла толпа, прося его вести народъ противъ непріятеля на защиту Москвы. Ростопчинъ въ своихъ афишахъ одно время самъ призывалъ народъ идти „бить француза“. Но это объявлялось тогда, когда наша армія находилась еще впереди Москвы; теперь же, когда она уходила и отдавала Москву непріятелю, такой порывъ толпы былъ совершенно некстати. Ростопчинъ велѣлъ привести купеческаго сына Верещагина, находившагося въ заключеніи за переводъ на русскій языкъ изъ одной иностранной газеты воззванія Наполеона и чтеніе его своимъ знакомымъ. Верещагинъ былъ приведенъ во дворъ, гдѣ стояла толпа. Тогда Ростопчинъ вышелъ на крыльцо и, обращаясь къ толпѣ, сказалъ: „Погодите, братцы, дайте мнѣ только управиться съ измѣнникомъ“. Затѣмъ,

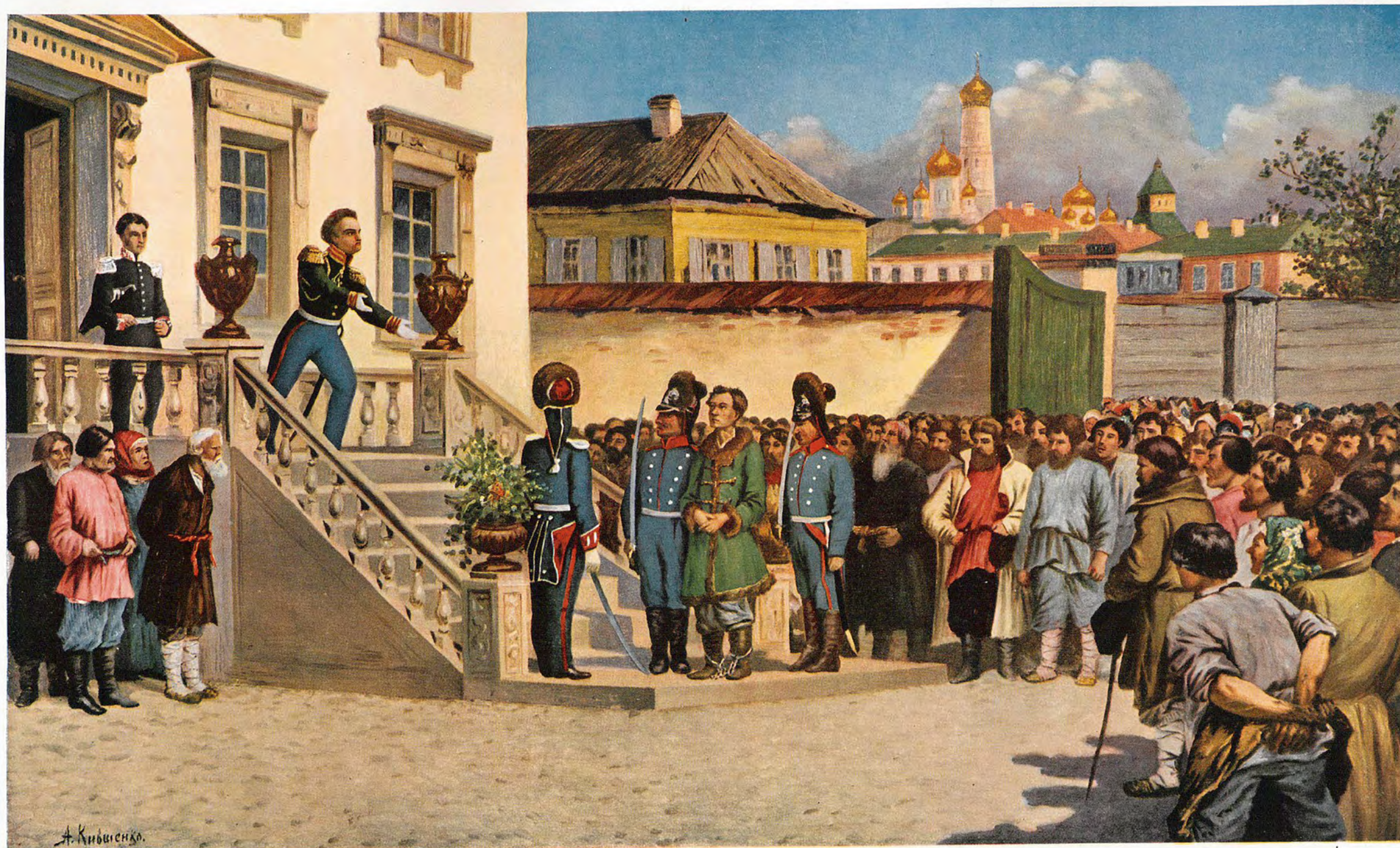
обратившись къ Верещагину, онъ сказалъ: „Ты, недостойный называться Русскимъ, осмѣлился измѣнить своему отечеству и обезчестить свое семейство. Твое преступленіе превзошло всѣ наказанія, постановленныя законами. Предаю тебя мщенію народа. Бейте измѣнника! отъ него гибнетъ Москва“.

Толпа набросилась на Верещагина и убила его, затѣмъ разошлась.

Этотъ мрачный эпизодъ записанъ въ исторію.

Послѣ этого событія Императоръ Александръ I былъ въ первый разъ въ Москвѣ въ 1816 году. Онъ призвалъ къ себѣ отца Верещагина, московскаго купца 2-й гильдіи, и долго съ нимъ бесѣдовалъ; на другой день велѣно было послать ему одинъ изъ самыхъ богатыхъ брильянтовыхъ перстней, находившихся между вещами Государя. Кромѣ того, въ особомъ рескриптѣ на имя тогдашняго Московскаго главнокомандующаго графа Тормасова, разрѣшалось выдать Верещагину 20.000 рублей.

Въ Кремль—пожаръ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Москва начала горѣть 2 сентября. Какъ только наши войска вышли изъ нея и въ нее вступилъ французскій авангардъ, въ Москвѣ начались пожары. Войска наши, остановившіяся на ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, видѣли, какъ Москва загоралась; пожаръ начался съ вечера 2 сентября, за ночь усилился, а утромъ 3 сентября большая часть горизонта надъ городомъ озарилась пламенемъ.

Наполеонъ въѣхалъ въ Москву 2 сентября и первую ночь провелъ въ одномъ изъ домовъ Дорогомиловскаго предмѣстья. На слѣдующій день онъ торжественно въѣхалъ въ Кремль и расположился въ царскомъ дворцѣ.

Когда Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль, по берегу Москвы-рѣки горѣли казенные хлѣбные магазины и взлетѣлъ на воздухъ артиллерійскій складъ огнестрѣльныхъ припасовъ; горѣлъ гостинный дворъ на Красной площади передъ Кремлемъ, а также видны были пожары въ другихъ частяхъ города. Близость пожара къ Кремлю, гдѣ находился Наполеонъ и гдѣ стояли зарядные ящики французской артиллеріи, заставила принять самыя дѣятельныя мѣры къ прекращенію огня, что Наполеонъ и поручилъ маршалу Мортье. Но бороться съ огнемъ было трудно, за неимѣніемъ пожарнаго снаряда, вывезеннаго изъ Москвы распоряженіемъ Ростопчина, и обилію горючаго матеріала, хранившагося въ лавкахъ и подвалахъ москательнаго, свѣчнаго и маслянаго рядовъ. Однако въ первый день своего пребыванія въ Кремль Наполеонъ не видѣлъ ничего необыкновеннаго и зловѣщаго въ возникшихъ пожарахъ, приписывая ихъ случайности и неосторожности своихъ-же войскъ съ огнемъ, и спокойно провелъ ночь съ 3 на 4 сентября. Но именно въ эту ночь пожары приняли угрожающіе размѣры. Поднявшійся сильный вѣтеръ раздулъ и разнесъ огонь по всѣмъ частямъ города.

Проснувшись въ 7 ч. утра 4 сентября, въ разговорѣ со своимъ докторомъ, Наполеонъ задалъ ему обычный вопросъ: что новаго? Когда докторъ отвѣтилъ, что вокругъ Кремля пожары, Наполеонъ равнодушно сказалъ, что это неосторожность солдатъ, которые вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ. Но потомъ взоры его вдругъ остановились, выра-

женіе лица измѣнилось и стало ужаснымъ; онъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, не произнося ни слова, толкнулъ ногою такъ сильно мамелюка, подавшаго ему сапогъ не на ту ногу, что тотъ упалъ навзничь,—и вышелъ въ другую комнату. Очевидно, что ему вдругъ пришла мысль о тѣхъ слухахъ, которые доходили до него ранѣе о намѣреніи Русскихъ сжечь Москву.

Рѣзкіе порывы вѣтра, часто мѣнявшаго направленіе, прорываясь по улицамъ и переулкамъ города, нѣсколько разъ нагоняли огонь на Кремль. Осыпавъ огненными искрами, Кремль освѣщался иногда такимъ свѣтомъ, что казалось, будто въ его стѣнахъ уже начался пожаръ. Графъ Сегюръ, адъютантъ Наполеона, въ своихъ мемуарахъ, такъ описываетъ душевное состояніе, охватившее тогда Наполеона: „Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, который насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали сильную внутреннюю тревогу. Онъ оставляетъ необходимую работу, принимается за нее снова и снова бросаетъ, чтобы посмотрѣть въ окно на непрекращающееся распространеніе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣзкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это они сами поджигаютъ!.. Сколько прекрасныхъ зданій!.. Какая необычайная рѣшимость!.. Что за люди!.. Это скифы!..“

Изъ оконъ дворца видно было огненное море, охватившее зарѣчную часть города—Замоскворѣчье. Поставленные на крышахъ кремлевскихъ зданій, солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ. Вдругъ послышался крикъ: „Кремль горитъ!“ Наполеонъ вышелъ изъ дворца на Сенатскую площадь, чтобы лично удостовѣриться въ грозившей опасности. Горѣла Троицкая башня близъ арсенала. Усиліями гвардіи этотъ пожаръ былъ прекращенъ; но ежеминутно могли вспыхнуть новые отъ искръ и головней, издалека приносимыхъ въ Кремль сильнымъ вѣтромъ. Въ два часа дня 4 сентября Наполеонъ рѣшилъ оставить Кремль и переѣхать въ загородный Петровскій дворецъ.

9

В. Верещагинъ. Въ крепль-пожаръ.

И. ЛАПИНЪ СЪОБЩ.Ъ ПЕРИ.

Картина № 19.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 17.

Пожаръ Замоскворѣчья.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Замоскворѣчье—южная часть города Москвы, находящаяся въ изгибѣ Москвы-рѣки, на правомъ ея берегу, противъ Кремля.

По оставленіи нашими войсками Москвы и занятіи ея Наполеономъ, Москва загорѣлась. Пожаръ Замоскворѣчья представлялъ ужасное зрѣлище. Изъ оконъ царскаго дворца все Замоскворѣчье, объятые пламенемъ, представлялось взволнованнымъ огненнымъ моремъ. Не смотря на значительное пространство, отдѣлявшее этотъ пожаръ отъ дворца, оконныя стекла въ немъ накалились до такой степени, что къ нимъ едва можно было прикасаться. Несчастные жители Замоскворѣчья, захваченные врасплохъ, покидали свои дома и искали убѣжища въ церквахъ. Но пожары охватывали и храмы. Тогда несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ.

19

В. В. Верещагинъ. - Пожаръ Замоскворѣья.

LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Сквозь пожаръ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

4 сентября въ полдень загорѣлись конюшни близъ царскаго дворца въ Кремлѣ, гдѣ пребывалъ Наполеонъ, а также арсенальная башня. Головни и искры, поднятыя вѣтромъ, падали на дворъ, гдѣ стояли зарядные ящики французской гвардейской артиллеріи. Наполеонъ рѣшилъ перебраться въ Петровскій загородный дворецъ. Но кратчайшій прямой путь туда былъ совершенно закрытъ огненнымъ моремъ. Наполеону пришлось пробираться окольными путями, почти кругомъ Москвы. Картина изображаетъ Наполеона, пробирающагося сквозь пожаръ изъ Кремля въ Петровскій дворецъ. Авторъ ея, художникъ В. В. Верещагинъ, въ своей брошюрѣ „1812 годъ“ описываетъ это такъ:

„Императоръ рѣшился оставить Кремль и приказалъ провести себя въ Петровскій дворецъ. Но это легче было приказать, чѣмъ сдѣлать: кругомъ было цѣлое море огня, закрывавшаго всѣ выходы изъ крѣпости. Наконецъ нашли таки проходъ къ Москвѣ-рѣкѣ, черезъ который и вышли императоръ, его свита и гвардія—чтобы очутиться въ настоящемъ огненномъ адѣ. Офицеры свиты предлагали Наполеону покрыть его плащомъ и пронести на рукахъ, но онъ отказался и разрѣшилъ вопросъ о томъ, какъ выбраться, смѣло бросившись впередъ. Приходилось пройти черезъ огненную арку пламени, обжигавшаго глаза, лицо, и, главное, руки, которыми закрывались и защищались отъ искръ и головешекъ, поминутно покрывавшихъ платье“.

„На счастье солдаты, грабившіе по близости, узнали императора и указали ему дорогу изъ огня. Его волосы были опалены, платье сожжено во многихъ мѣстахъ, обожжены руки, прожжены сапоги“.

Графъ Сегюръ, адъютантъ Наполеона, въ своихъ мемуарахъ описываетъ это такъ:

„Надо было спѣшить: съ каждымъ мгновеніемъ пожаръ все болѣе и болѣе усиливался вокругъ насъ. Одна узкая

извилистая улица казалась болѣе входомъ нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ, пѣшкомъ, не задумываясь, пошелъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска пожара, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ вокругъ насъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Эти обломки затрудняли ему путь. Пламя, возвышавшееся надъ кровлями и съ яростью пожирившее зданія, среди которыхъ онъ шелъ, вѣтромъ наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Наши руки обжигались, когда мы защищали ими лицо отъ ужаснаго жара и отстраняли искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда лишь скорое движеніе казалось единственнымъ способомъ спасенія, нашъ проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился“ *).

Наполеонъ со свитою все-таки вышли изъ пожара, но въ совершенно противоположную сторону отъ Петровскаго дворца, а именно въ Дорогомиловское предмѣстье, къ Дорогомиловскому мосту черезъ Москву-рѣку; отсюда они объѣхали городъ съ сѣвера и къ вечеру добрались до Петровскаго дворца.

*) Сохранилось преданіе, что Русскій, взявшійся быть проводникомъ Наполеона и его свиты, умышленно завелъ ихъ въ безвыходное мѣсто, со всѣхъ сторонъ объятое пламенемъ. На основаніи этого преданія Загоскинъ въ романѣ своемъ „Рославлевъ“ приводитъ эпизодъ о купцѣ Андреѣ Васьяновичѣ—проводникѣ Наполеона сквозь Московскій пожаръ.

20

В. В. Верещагинъ - Сквозь пожаръ.

J. LAPINA & CO IMP. ÉDIT. PARIS

Картина № 21.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

См. „Очеркъ войны“, стр. 17.

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Наполеонъ перебрался изъ Кремлевскаго дворца въ загородный (подѣздный) Петровскій 4 сентября. Первая ночь его здѣсь была тревожна: его волновалъ и беспокоилъ пожаръ Москвы. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшійся передъ нимъ пожаръ и затѣмъ сказалъ: „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія“. Эта безмолвная сцена воспроизведена на картинѣ № 2 (Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ).

5 сентября вечеромъ пошелъ сильный дождь, и вѣтеръ началъ стихать; вмѣстѣ съ тѣмъ и огонь сталъ постепенно ослабѣвать. На другой день дождь еще усилился; вѣтеръ совершенно стихъ, и пожары почти прекратились. Наполеону

дословили, что Кремлевскій дворецъ не пострадалъ, и онъ рѣшилъ возвратиться въ него. Картина изображаетъ моментъ этого возвращенія.

Печальная картина представлялась взорамъ Наполеона на пути его слѣдованія. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія зданія, большею же частью лежали груды обгорѣлыхъ дымившихся развалинъ. Обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ указывали направленіе бывшихъ улицъ. По этимъ улицамъ скитались ограбленные жители, разными отребьями едва прикрывая свою наготу и отыскивая пищу. На встрѣчу попадались толпы солдатъ съ награбленною добычею.

21

В. В. Верещагинъ. - Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

E. LAPINA ET C. IMP. ÉDIT. PARIS.

Поджигатели.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Пожаръ Москвы раздражалъ Наполеона и беспокоилъ его. Огонь уничтожалъ все то, что армія его рассчитывала найти въ Москвѣ и что онъ обѣщалъ ей въ приказѣ передъ Бородинскимъ сраженіемъ—обильное продовольствіе, запасы одежды, бѣлья, обуви, теплый уютъ, отдыхъ... Все это исчезло вмѣстѣ съ дымомъ пожара Москвы. Онъ видѣлъ, что пожары эти не только случайность, а что они и отъ поджоговъ. Надо найти поджигателей и быстро съ ними расправою устрашить людей и прекратить поджоги. И начали хватать людей, подозрѣваемыхъ въ поджогахъ.

Какъ хватали по подозрѣнію въ этомъ, можно судить по слѣдующему разсказу очевидца (Записки В. А. Перовскаго): „Я увидѣлъ, говоритъ онъ, нѣсколько солдатъ, ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ. Его привели къ дворцу и взвели на его площадку; одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать черезъ переводчика: „Отчего горитъ Москва? Кто велѣлъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?“ и другіе подобныя вопросы, на которые полицейскій офицеръ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ Москвѣ потому, что не успѣлъ выѣхать. „Онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаться“, сказалъ допрашивающій, „но очень видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и заприте вмѣ-

стѣ съ другими“. Я старался, но тщетно, увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ. „Онъ служить въ полиціи и вѣрно знаетъ все“, отвѣчали мнѣ. Несчастнаго повели и заперли подъ площадкой, на которой я находился. „Что съ нимъ будетъ?“ спросилъ я офицера, который его допрашивалъ.—„Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту-же вину съ нимъ заперты“.

Многіе изъ схваченныхъ такимъ образомъ были безъ всякаго суда повѣшены или разстрѣляны. Но надъ 26 человѣками былъ назначенъ судъ, приговоръ котораго былъ объявленъ и напечатанъ (по русски и по французски) 12 сентября. По приговору этого суда разстрѣляно 10; остальные были приговорены къ тюремному заключенію.

Въ числѣ разстрѣлянныхъ были: поручикъ Московскаго ополченія, три живописца (вѣроятно, живописцы вывѣсокъ), солдатъ московской полиціи, сидѣлецъ (винной лавки), кузнецъ, лакей князя Сибирскаго, портной и одинъ неизвѣстнаго званія.

Въ числѣ остальныхъ 16 были: 8 солдатъ Московской полиціи, одинъ солдатъ (изъ войскъ), пономарь, кузнецъ, два лакея, обойщикъ, ремесленникъ и одинъ неизвѣстнаго званія.

22

В. В. Верещагинъ. - Поджигатели.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Въ Успенскомъ соборѣ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Эта картина можетъ показаться совершенно неправдоподобною; такъ возмутителенъ фактъ, ея воспроизведенный — Успенскій соборъ, обращенный въ конюшню. Однако это не выдумка художника, а фактъ историческій.

Успенскій соборъ находится въ Московскомъ Кремлѣ и есть одна изъ дорогихъ святынь русской земли. Онъ основанъ въ 1326 году и съ тѣхъ поръ въ немъ совершилось много важныхъ историческихъ событій, касающихся православія и государственнаго бытія нашего отечества. Кромѣ того, со временъ Іоанна III въ немъ неизмѣнно совершается коронованіе русскихъ государей; въ немъ погребены всѣ патриархи Россіи, кромѣ Никона, и многіе митрополиты.

Въ историческомъ изслѣдованіи А. Попова „Французы въ Москвѣ въ 1812 году“ приведены слѣдующіе факты кошунственного отношенія войскъ Наполеоновой арміи къ русскимъ святынямъ вообще и къ Успенскому собору въ частности.

„Умышленно ругаясь надъ святынею, непріатели постоянно устраивали конюшни въ храмахъ, выбрасывали иконы, раскалывали ихъ и употребляли вмѣсто дровъ, вбивали гвозди въ лики святыхъ, престолы и жертвенники употребляли вмѣсто столовъ; иконы употребляли, чтобы стрѣлять въ нихъ въ цѣль. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ (Петровскомъ и Даниловомъ въ Москвѣ) были устроены бойни; бойня была устроена и въ церкви Вознесенія у Серпуховскихъ воротъ. Въ Петропавловскую церковь въ Лефортовѣ помѣщали быковъ, въ Троицкой въ Сыромятникахъ стояли лошади.

„Въ Успенскомъ соборѣ, вмѣсто паникадила, висѣли вѣсы, на которыхъ вѣшали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; на иконостасѣ написано было: 325 пудъ серебра и 18 пудъ золота. Тутъ стояли плавильные горны, и были устроены стойла для лошадей.

„Въ храмахъ Спаса на Бору и Николы Гостунскаго находились склады овса, сѣна и соломы для лошадей самого

Наполеона. Въ Верхоспасномъ соборѣ престолъ служилъ столомъ для обѣдовъ; въ немъ стояли кровати.

„Проходя по Замоскворѣчью мимо Козьмо-Демьянской церкви“, рассказываетъ очевидецъ-свидѣтель, „изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я выходящій густой дымъ и стоящаго на паперти непріятельскаго солдата. Онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по домашнему, въ колпакѣ, безъ галстука, съ накинутою на плечи шинелью. Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидалъ слѣды грабежа и буйства. По срединѣ храма пылалъ костеръ; вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ; надъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный листъ, на которомъ пекся картофель. Церковный постоялецъ далъ ихъ мнѣ нѣсколько, говоря: „Добре, Руссь“. Послѣ того, желая похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, онъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы; тутъ-же находились разные овощи, картофель, капуста и проч. На вбитыхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли конская сбруя и амуниція. Радужный хозяинъ отворилъ царскія врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ я увидѣлъ стоящую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою... Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства и не могъ сдвинуться съ мѣста. Безбожникъ, сочтя мое изумленіе за знакъ удивленія красотою его лошади, началъ ее поглаживать и потрепывать, приговаривая: добре, добре! Налюбовавшись конемъ, онъ повелъ меня въ лѣвый придѣлъ. И тамъ также стояла въ алтарѣ лошадь и ѣла овесъ изъ купели, въ которой крестятъ новорожденныхъ“.

На картинѣ Верещагина рядъ прекрасныхъ лошадей (очевидно высшихъ начальниковъ и свиты) стоитъ въ Успенскомъ соборѣ передъ алтаремъ; въ правомъ углу картины два солдата играютъ въ карты; нѣсколько человѣкъ обдираютъ ризы съ иконъ; на паникадилѣ повѣшена каска.

Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Чудовъ монастырь находится въ Московскомъ Кремлѣ и принадлежитъ къ числу древнихъ святынь, дорогихъ русскому сердцу (основанъ въ XIV вѣкѣ).

По занятіи Москвы войсками Наполеона, корпусъ маршала Даву расположенъ былъ въ восточной части Москвы и въ восточныхъ окрестностяхъ ея (со стороны Смоленской и Калужской дорогъ). Постоянная квартира маршала Даву была на Дѣвичьемъ полѣ; но такъ какъ онъ часто прѣзжалъ съ докладами въ Кремль, то и устроилъ для себя спальню въ алтарѣ главнаго храма Чудова монастыря (А. Поповъ. Французы въ Москвѣ въ 1812 году).

Армія Наполеона была въ полномъ смыслѣ слова безбожною. Католическій аббатъ Сюрюгъ, настоятель церкви св. Людовика въ Москвѣ, остававшійся въ Москвѣ и при Наполеонѣ, говоритъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: „Въ продолженіе 6-ти-недѣльнаго здѣсь пребыванія французовъ, я не видалъ даже тѣни Наполеона и не искалъ случая увидать его. Мнѣ говорили, что онъ позоветъ меня, и это извѣстіе меня ужасало; но къ счастью оно не оправдалось. Онъ не посѣтилъ нашего храма и, вѣроятно, не думалъ объ этомъ.

Четыре или пять офицеровъ старыхъ французскихъ фамилій посѣтили богослуженіе; двое или трое исповѣдывались. Впрочемъ вамъ будутъ понятны отношенія къ христіанской вѣрѣ этихъ войскъ, когда вы узнаете, что при 400 тысячахъ чело-вѣкъ, перешедшихъ черезъ Нѣманъ, не было ни одного священника. Во время ихъ пребыванія здѣсь изъ нихъ умерло до 12.000, и я похоронилъ по обрядамъ церкви только одного офицера и слугу генерала Груши. Всѣхъ другихъ, офицеровъ и солдатъ, зарывали ихъ товарищи въ ближнихъ садахъ. Въ нихъ нѣтъ и тѣни вѣрованія въ загробную жизнь. Однажды я посѣтилъ больницу раненыхъ; всѣ говорили мнѣ объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ, и никто о духовныхъ, не смотря на то, что надъ третьею частью изъ нихъ уже носилась смерть. Я окрестилъ многихъ дѣтей у солдатъ. Крещеніе они еще признаютъ, и всѣ обходились со мною почтительно. Впрочемъ вѣра для нихъ составляетъ лишь слово, лишенное смысла“.

На картинѣ Верещагина въ открытую дверь алтаря виденъ сидящій маршалъ Даву; у входа въ царскія двери алтаря стоитъ часовая съ ружьемъ.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Наполеонъ и генераль-адъютантъ Лористонъ. Миръ во что бы то ни стало.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

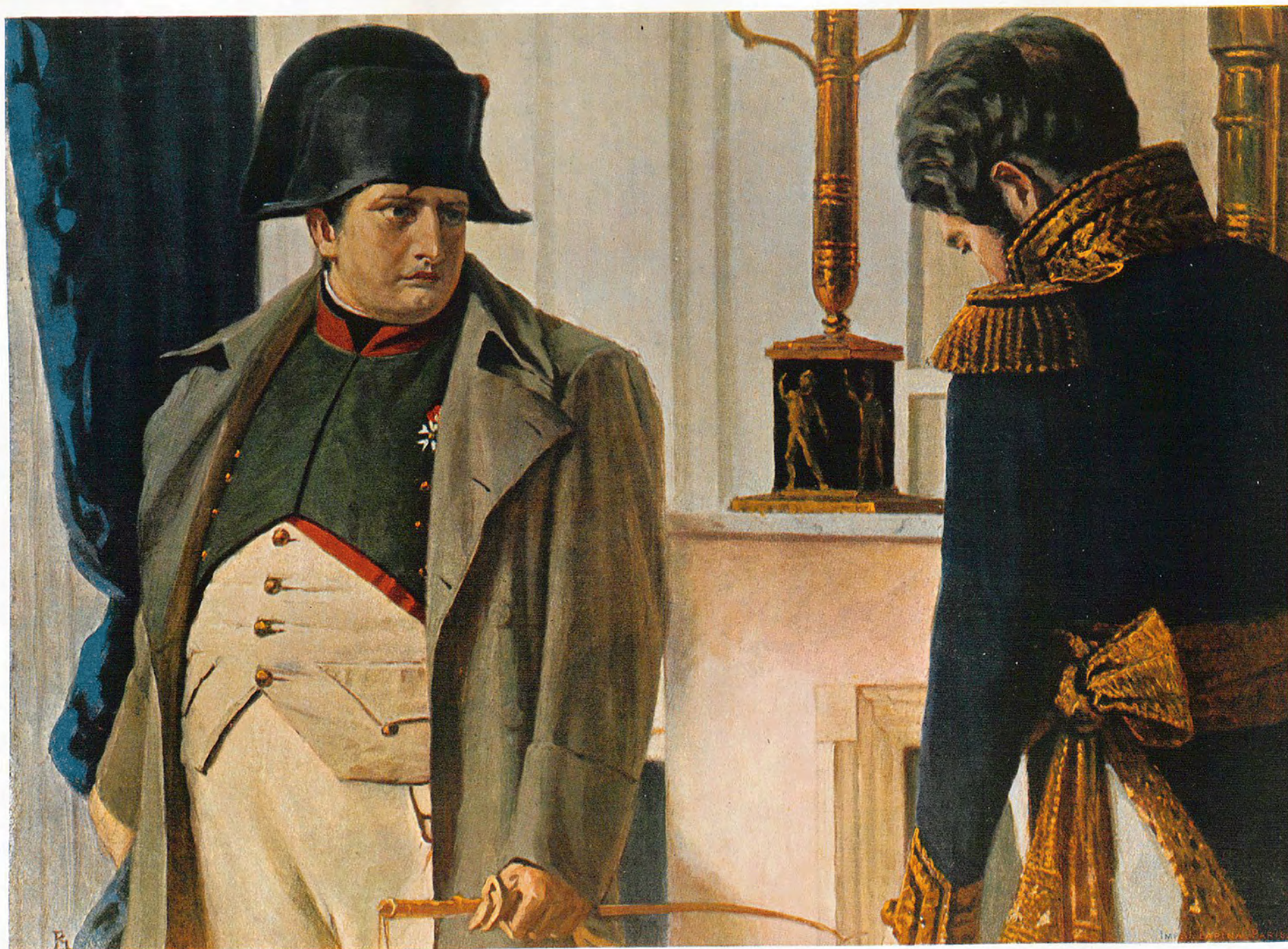
Занятіемъ Москвы Наполеонъ разсчитывалъ приобрѣсти большія выгоды; здѣсь онъ надѣялся принудить Россію къ выгодному для себя миру. Война получила крайне для него непріятный, затяжной, характеръ. Уже въ Смоленскѣ (мѣсяцъ назадъ) ему хотѣлось вступить съ Государемъ въ мирные переговоры; попытка его не увѣнчалась однако успѣхомъ. Но вотъ онъ овладѣлъ Москвою—первопрестольною столицею, сердцемъ Россіи. Это вынудитъ Императора Александра, думалъ онъ, пойти на его мирныя предложенія. Въ первые же дни по занятіи Москвы онъ дѣлаетъ двѣ попытки (6 и 9 сентября) вступить въ сношенія съ Государемъ, но совершенно безуспѣшно. Между тѣмъ положеніе его арміи въ Москвѣ день ото дня становится труднѣе: уже виденъ призракъ голода, потери всего конскаго состава арміи; разгорается народная война; прерываются сообщенія арміи съ базою, съ Франціею; надвигаются холодные осенніе дни, а потомъ снѣга и морозы. Наполеону нуженъ миръ во что бы то ни стало. И вотъ онъ снова пытается вступить въ переговоры съ Государемъ, на этотъ разъ при посредствѣ главнокомандующаго нашихъ армій—князя Кутузова. 23 сентября онъ посылаетъ къ нему (въ Тарутино) своего генераль-адъютанта Лористона, бывшаго передъ Отечественною войною фран-

цузскимъ посломъ въ Петербургѣ, аристократа (маркизь) по происхожденію и обращенію съ людьми.

Кутузовъ принимаетъ его, но отклоняетъ всякіе разговоры о мирѣ. О послѣднемъ онъ говоритъ Лористону слѣдующее: „Не имѣю на это никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ—всѣ сіи слова, отъ васъ мною слышанныя, происходятъ-ли они изъ собственнаго сужденія, либо имѣютъ источникъ свѣше, я ни въ какомъ случаѣ передать своему Государю не желаю. Я подвергъ-бы себя проклятію потомства, если-бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію; таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа“.

Однако Кутузовъ согласился донести Государю о желаніи Наполеона послать въ Петербургъ Лористона. Государь остался очень недоволенъ тѣмъ, что Кутузовъ принялъ непріятельскаго посланца, за что и выразилъ ему свое неудовольствіе въ рескриптѣ. Рескриптъ заканчивается такъ: „Въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность—отмстить за оскорбленное отечество“.

Неизвѣстнаго художника.

Видъ Московскаго арсенала, взорваннаго маршаломъ Мортѣе, по выходѣ арміи Наполеона изъ Москвы.

Съ картины масляными красками, находящейся въ Императорскомъ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

Наполеонъ оставался въ Москвѣ со 2 сентября до Тарутинскаго боя; онъ все надѣялся, что Государь пойдетъ на его мирныя предложенія, и выжидалъ. Но Тарутинское нападеніе на авангардъ Мюрата (6 октября) вывело Наполеона изъ заблужденія и указало ему на опасность оставаться долѣе въ Москвѣ. Онъ немедленно отдалъ распоряженіе о выступленіи своихъ войскъ изъ нея, которое и началось съ вечера того-же дня. Въ Москвѣ былъ оставленъ маршалъ Мортѣе съ отрядомъ войскъ. Ему было приказано выступить 10 или 11 октября, но предварительно зажечь Кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія и, заблаговременно заложивъ мины подъ Кремлевскія стѣны, взорвать ихъ.

Вечеромъ 11 октября Мортѣе со своими войсками выступилъ изъ Москвы. Когда они отошли уже на значительное разстояніе, въ полночь запылалъ Кремлевскій арсеналъ и другія подожженные непріателемъ зданія, и раздался рядъ послѣдовательныхъ взрывовъ.

Очевидецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ состояніе Москвы въ ночь съ 11 на 12 октября 1812 года.

„А какъ Кремль-то взорвало, мы чуть не померли отъ страху—думали свѣтопредставленіе. Тревожимые ожиданіемъ новыхъ бѣдствій, московскіе обыватели, при наступленіи ночи, ложились спать не раздѣваясь. Среди ночи раздался

первый и самый сильный взрывъ. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже на значительномъ разстояніи отъ Кремля полопались всѣ стекла; во многихъ домахъ разошлись стѣны и рушились потолки. Внутри домовъ ничто не осталось на мѣстѣ, обывателей сбрасывало съ ихъ постелей. Ужасъ овладѣлъ ими. Всѣ бросились на улицы и площади, большею частью раздѣтые и израненные осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ. Въ ночной темнотѣ, освѣщенной пожаромъ, начавшимся въ Кремлѣ, подъ сильнымъ холоднымъ дождемъ, слышались плачь и стоны. Невозможно было оставаться подъ открытымъ небомъ; но боялись войти въ дома, ожидая новыхъ взрывовъ, которые и послѣдовали одинъ за другимъ; но уже не съ тою силою, какъ первый... Въ Грузинахъ, на лугу около церкви св. Георгія Побѣдоносца, всю ночь оставалась толпа народа. Черезъ темъ и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю, отъ насъ былъ виденъ Иванъ Великій; но ничего нельзя было рассмотреть. Стало свѣтать; но Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ, и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ вошло солнышко, и вскорѣ послѣ показавшейся и золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ по прежнему богатыремъ... Дождь, начавшійся еще наканунѣ, безъ сомнѣнія смирилъ разрушительную силу подкоповъ подъ древнія стѣны Кремля...“

Портреты выдающихся деятелей Отечественной войны:

Витгенштейна, Ермолова, Толя и Бенигсена.

Находятся в Военной галлерей Зимняго дворца.

Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, генераль-лейтенантъ, 44 лѣтъ отъ роду. Командовалъ 1-мъ фельдмаршальскимъ корпусомъ и прикрывалъ Петербургъ на путяхъ къ р. Западной Двины. Въ то время, когда арміи наши ступали и общество наше было удручено такимъ ходомъ войны, Витгенштейнъ побѣждалъ французскій корпусъ Удино въ Клястицахъ (18 и 19 іюля). Эта побѣда была свѣтлымъ событіемъ на мрачномъ фонѣ, и Витгенштейнъ сталъ героемъ для кумиромъ общества; поэты его воспѣвали, Государь награждалъ. Хотя въ бояхъ 5 и 6 августа Витгенштейнъ потерпѣлъ неудачу, вслѣдствіе превосходства непріятеля въ числѣ, но въ октябрѣ онъ отнялъ у непріятеля Полоцкъ, освободилъ непріятельскія войска за р. Зап. Двину и самъ пешель въ наступленіе. Въ награду онъ былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Въ Березинской операціи проявилъ особой проницательности и энергіи.

Впослѣдствіи генераль-фельдмаршалъ и князь (княжеское достоинство пожаловано прусскимъ королемъ за войну 1812 года). Умеръ въ 1842 году.

Имя его носить одинъ полкъ русской арміи, а именно: 4-й гусарскій Мариупольскій генераль-фельдмаршала князя Витгенштейна.

Генераль-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 40 лѣтъ отъ роду. Началъ Отечественную войну въ чинѣ генераль-маіора и въ должности командира гвардейскаго пѣхотной дивизіи; 1-го іюля назначенъ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи. Это одинъ изъ самыхъ популярныхъ дѣятелей Отечественной войны. Занимая вліятельную должность начальника главнаго штаба 1-й арміи, онъ не ограничивался штабной ролью, а во многихъ бояхъ принималъ личное руководительство. Такъ было въ бою при Лубнѣ 7 августа, гдѣ онъ отъ Тучкова 3-го принялъ руководство боемъ до прибытія Барклая-де-Толли. Въ Бородинскомъ бою ему принадлежитъ честь отбитія у непріятеля взятой имъ было батареи Раевскаго (большого редута). Ему мы обязаны безпромедлительнымъ поворотомъ отряда Дохтурова, при которомъ онъ находился, къ Мало-Ярославцу и предупрежденіемъ здѣсь непріятельской арміи. Послѣ боевъ у Краснаго (3—6 ноября) подъ его начальствомъ былъ сформированъ особый отрядъ, который съ большими трудностями переправился черезъ Днѣпръ, соединился съ Платовымъ и пошелъ по пятамъ за непріятелемъ.

Ермоловъ участвовалъ и въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ, а послѣ того былъ назначенъ на Кавказъ, командиромъ отдѣльнаго корпуса. Съ его именемъ тѣсно связана исторія распространенія нашего владычества на Кавказѣ; тамъ онъ пробылъ съ 1816 по 1827 годъ, въ которомъ вышелъ въ отставку, но въ 1830 году былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ въ чинѣ генерала отъ артиллеріи въ 1861 году.

Имя Ермолова носятъ два полка русской арміи: 152-й пѣхотный Владикавказскій генерала Ермолова полкъ и 1-й Кизлярско-Гребенской Терскаго Казачьяго Войска генерала Ермолова полкъ, а также одна конная батарея — 2-я конная генерала Ермолова батарея.

Генераль-маіоръ Карлъ Ѳеодоровичъ Толь, 35 лѣтъ отъ роду. Началъ Отечественную войну въ чинѣ полковника; служилъ въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части (по нынѣшнему — въ генеральномъ штабѣ); 1-го іюля былъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ 1-й арміи. Кутузовъ, по прибытіи къ арміямъ, взялъ его къ себѣ для исполненія обязанностей генераль-квартирмейстера при главнокомандующемъ всѣми арміями. Это былъ выдающійся офицеръ генеральнаго штаба. Ему принадлежитъ главная роль въ оперативныхъ работахъ верха нашей арміи въ Отечественную войну; онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Принималъ участіе въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ, въ качествѣ генераль-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества; былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ 1823 году — генераль-адъютантъ и генераль отъ инфантеріи. Видную роль игралъ въ войнахъ 1829 съ Турціей и въ 1830—1831 г.г. (усмиреніе Польши). За войну 1829 года возведенъ въ графское достоинство. Въ 1833 году назначенъ главноначальствующимъ путями сообщеній. Умеръ въ 1842 году.

Генераль отъ кавалеріи Леонтій Леонтіевичъ Бенигсенъ, 67 лѣтъ отъ роду. Къ началу Отечественной войны его карьера была въ сущности закончена. Онъ достигъ высшаго чина (генераль отъ кавалеріи), имѣлъ ордена Св. Георгія 2 ст. и Андрея Первозваннаго за Пултускъ и Прейсишъ-Эйлау въ войну 1806—1807 г.г., славу побѣды надъ войсками Наполеона въ этихъ сраженіяхъ, а также у Гутштадта и Гейльсберга въ роли главнокомандующаго нашей арміей въ войну 1806—1807 годовъ, но закончилъ ее Фридландскимъ пораженіемъ. Послѣ того былъ не у дѣлъ и до Отечественной войны жилъ въ своемъ имѣніи подъ Вильною. Съ пріѣзда Государя къ арміи въ Вильну, въ апрѣлѣ 1812 года, состоялъ при Особѣ Его Величества. Съ отъѣздомъ Государя изъ арміи остался при главной квартирѣ 1-й арміи. Былъ однимъ изъ горячихъ сторонниковъ перехода нашихъ армій въ наступленіе, въ своихъ письмахъ Государю осуждалъ Барклая. Съ назначеніемъ Кутузова главнокомандующимъ, былъ назначенъ начальникомъ его главнаго штаба. Послѣ Бородинскаго боя и отхода нашей арміи къ Москвѣ, особенно стоялъ за принятіе сраженія на позиціи передъ Москвою. По его настоянію мы атаковали Мюрата изъ Тарутинскаго лагеря; Бенигсенъ былъ возбудителемъ и главнымъ распорядителемъ этого боя и награжденъ алмазными знаками къ ордену Св. Андрея Первозваннаго (самый орденъ этотъ онъ имѣлъ уже ранѣе) и 100.000 рублей. Послѣ этого боя, въ письмѣ Государю, обнесъ и очернилъ Кутузова; между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба установились враждебныя отношенія, и Государь разрѣшилъ Кутузову удалить Бенигсена изъ арміи; подъ предлогомъ болѣзни, послѣдній уѣхалъ.

Въ войны 1813 и 1814 годовъ командовалъ арміею, возведенъ въ графское достоинство и получилъ орденъ Св. Георгія 1-й степени. Умеръ въ 1826 году.

Графъ
П. X. Виткевичейнъ I

А. М. Ермоловъ I

²⁷
Баронъ К. О. Мольтъ

А. А. Беннигсенъ

Сраженіе при Тарутинѣ 6 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Сраженіе это явилось переломомъ въ кампаніи 1812 г. Это наше первое большое наступательное сраженіе на главномъ театрѣ войны. До сего мы на главномъ театрѣ оборонялись; теперь перешли въ наступленіе, нанесли непріятелю серьезное пораженіе и захватили много трофеевъ (38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ, одно знамя и 1500 плѣнныхъ). Сраженіе это вывело Наполеона изъ покоя въ Москвѣ и вынудило его покинуть нашу первопрестольную столицу и начать отступленіе.

Болѣе чѣмъ двухнедѣльное пребываніе въ Тарутинскомъ лагерѣ (съ 20 сентября) было очень полезно для нашей арміи. Она здѣсь отдохнула, возстановила свои силы хорошею пищею, получила подкрѣпленія, починилась, обзавелась теплою одеждою. Положеніе-же непріятельской арміи значительно ухудшилось; она страдала уже отъ голода, отъ нападений нашихъ партизановъ и отъ народной войны. Кутузовъ полагалъ выгоднымъ оставаться въ такомъ положеніи; каждый такой день онъ считалъ выигрышемъ для насъ и потерей для непріятеля. Но представленія старшихъ генераловъ, особенно Бенигсена, побудили его воспользоваться безпечною непріятельскаго авангарда и неожиданно атаковать его. Это и было исполнено 6 октября, что и вылилось въ Тарутинское сраженіе. Общій ходъ этого дѣла описанъ въ нашемъ „Очеркѣ войны“.

Картина воспроизводитъ моментъ послѣ налета казаковъ Орлова-Денисова на непріятельскую кирасирскую дивизію, овладѣнія ея бивакомъ и захвата многочисленныхъ трофеевъ. На гнѣдой лошади у дерева—Бенигсенъ; за нимъ полковникъ Толь (съ поднятой въ правой рукѣ саблею). На бѣлой лошади Орловъ-Денисовъ скачетъ на встрѣчу Бенигсену; за нимъ казакъ везетъ отнятый у непріятеля штандартъ. Казаки увозятъ захваченныя непріятельскія пушки и уводятъ плѣнныхъ непріятельскихъ кирасиръ. Вдали видна церковь с. Тетеринки, откуда непріятельская артиллерія обстрѣливаетъ нашу наступающую пѣхоту.

Нашъ историкъ (Михайловскій-Данилевскій) даетъ слѣ-

дующее описаніе, въ которомъ войска наши нашли захваченный непріятельскій бивакъ:

„Въ непріятельскомъ лагерѣ и отбитыхъ обозахъ найдено много награбленныхъ въ Москвѣ вещей и предметовъ роскоши. А вокругъ догоравшихъ бивачныхъ огней валялись заколотыя для пищи или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, брошены были подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго призрѣнія, лежали на холодной землѣ. Между ними находились дѣти и женщины—француженки, нѣмки, польки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенные изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ стана непріятельскаго церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которыя даже стояли въ алтаряхъ, оглашая ржаніемъ священныя стѣны“.

Во время пребыванія нашей арміи въ Тарутинскомъ лагерѣ Кутузовъ жилъ въ деревнѣ Леташевкѣ. Императоръ Александръ I въ 1817 году, при посѣщеніи Тарутина, заѣхалъ и въ Леташевку, зашелъ въ избу, гдѣ жилъ Кутузовъ и пожаловалъ хозяину ея 500 рублей (Шильдеръ „Императоръ Александръ I, т. IV, стр. 78).

На поляхъ Тарутина въ 1834 году поставленъ памятникъ съ надписью: „На семъ мѣстѣ Россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу“. Памятникъ этотъ воздвигнутъ Тарутинскими крестьянами, которые, будучи отпущены на волю владѣльцемъ с. Тарутина, сыномъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, пожелали соорудить этотъ монументъ на свои деньги и исполнили это съ соизволенія императора Николая I.

28

Сраженіе при Шарутинѣ.

I. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Сраженіе при Полоцкѣ 7 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Этотъ бой вели войска нашего отдѣльнаго корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшаго С.-Петербургъ на путяхъ отъ Зап. Двины.

Послѣ августовскихъ боевъ у Полоцка Витгенштейнъ отошелъ за рѣку Дриссу и оставался тамъ до начала октября. Къ этому времени онъ получилъ значительныя подкрѣпленія и, во исполненіе Государева плана, перешелъ въ наступленіе къ Полоцку, гдѣ и разыгрался бой, продолжавшійся болѣе двухъ сутокъ, а именно 6, 7 и ночью на 8 октября. Полоцкъ былъ взятъ русскими войсками и непріятель отгнѣсненъ за р. Двину. Сраженіе было кровопролитное: у насъ убито и ранено до 8.000 человекъ, у непріятеля до 5.000, да въ плѣнъ взято около 2.000.

Сраженіе это, между прочимъ, примѣчательно тѣмъ, что въ немъ видное участіе принимали Петербургскіе и Новгородскіе ополченцы, недавно передъ тѣмъ присланные на усиленіе корпуса Витгенштейна. Здѣсь дѣйствовалъ 1-й отрядъ Петербургскаго ополченія подъ начальствомъ сенатора тайнаго совѣтника (и генералъ-маіора ополченія) Бибикова, выказавшаго незаурядную распорядительность и храбрость. Когда ополченскія дружины подавались назадъ, онъ оставливалъ ихъ словами: „Стой, ребята! Куда вы? Мы—русскіе, православные! Съ нами Богъ! Впередъ, ура!“—Витгенштейнъ былъ личнымъ свидѣтелемъ поведенія Бибикова, подѣхалъ къ нему, пожалъ руку и сказалъ: „Никогда не думалъ я найти въ человекѣ, давно оставившемъ военную службу *), столько геройскаго духа“. За этотъ бой Бибиковъ получилъ орденъ, Св. Георгія 3-й степени, а Витгенштейнъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

Въ пѣснѣ ратниковъ Петербургскаго ополченія про Полоцкое сраженіе поется:

*) Въ молодости Бибиковъ состоялъ на военной службѣ, но, дойдя до чина капитана, перешелъ на гражданскую.

„Засверкалъ огнемъ нашъ граненый штыкъ:
Мы дрались тутъ три дня, три ночи,
Съ нами вмѣстѣ шелъ сенаторъ отецъ,
Впереди насъ всѣ начальники,
И вскочили мы на стѣны Полоцка,
И стремглавъ злодѣй побѣждалъ отъ насъ“.

Картина изображаетъ послѣдній актъ боя, позднюю ночью съ 7 на 8 октября (2—3 ч. ночи). Городъ зажженъ нашими гранатами. При заревѣ пожара наши войска идутъ на штурмъ. На картинѣ воспроизведенъ штурмъ города съ западной стороны по мосту черезъ р. Полоту. Здѣсь эта рѣчка течетъ въ глубокой рывинѣ, черезъ которую былъ деревянный мостъ; за нимъ въѣздъ въ городъ; въѣздъ прорытъ сквозь высокую гору, которая была сильно занята непріателемъ.

Когда 12-я дружина Петербургскаго и Новгородскаго ополченій, статскаго совѣтника Николева, впереди прочихъ войскъ, подошла къ мосту, начальникъ дружины приказалъ губернскому секретарю Петрову съ охотниками броситься въ рывину, перейти рѣчку въ бродъ и крикомъ „ура“ подать сигналъ къ общему нападенію. Неустрашимый Петровъ перешелъ черезъ Полоту и ударилъ въ штыки на непріятеля который и отступилъ, увидя себя обойденнымъ и не имѣя возможности разсмотрѣть въ темнотѣ, сколько войскъ появилось у него въ тылу. Наши ратники (les hommes à grandes barbes, какъ называли ихъ французы) овладѣли мостомъ и первыми появились на другой сторонѣ р. Полоты.

Графъ Витгенштейнъ, въ благодарственномъ приказѣ своемъ войскамъ за это дѣло, особенно подчеркиваетъ дѣйствія ополченцевъ, которые „отторжены бывъ отъ сельскихъ работъ своихъ и подъявъ въ первый разъ оружіе, оказали чудеса храбрости и мужества и оправдали надежду на себя соотечественниковъ и заслужили лестное названіе защитниковъ Россіи“.

29

Гессъ. - Сраженіе при Полоцкѣ, 7-го октября 1812 г.

1. LAPIXA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при Мало-Ярославцѣ 12 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Это сраженіе имѣетъ огромное значеніе въ ходѣ кампаніи 1812 года; вмѣстѣ съ тѣмъ оно было чрезвычайно упорно и кровопролитно. Хотя обѣ стороны не ввели въ бой своихъ армій полностью, какъ было подѣ Бородинымъ, но и Наполеонъ, и Кутузовъ находились въ виду поля сраженія и распоряжались.

Сраженіе подѣ Мало-Ярославцемъ рѣшило, по какому пути отступать арміи Наполеона. Онъ здѣсь хотѣлъ выйти на нетронутый еще войною путь, богатый разнаго рода средствами—къ Калугѣ. Но наша армія преградила ему этотъ путь и принудила его возвратиться на дорогу, по которой уже прошли двѣ арміи—наша и его—отъ Смоленска къ Москвѣ—и которая была поэтому совершенно истощена. Въ этомъ и заключается огромное значеніе сраженія подѣ Мало-Ярославцемъ.

Бой велся здѣсь въ самомъ городѣ. Мало-Ярославецъ находится на правомъ высокомъ берегу рѣки Лужи, черезъ которую здѣсь перекинута постоянный мостъ и проходитъ большая дорога изъ Москвы въ Калугу. Рѣка и мостъ видны на картинѣ.

Съ непріятельской стороны бой велся, главнымъ образомъ, итальянскимъ корпусомъ вице-короля, одна дивизія котораго еще ни разу не участвовала въ бою въ теченіе этой кампаніи и потому, соревнуя съ другими, вела этотъ бой чрезвычайно горячо. Нѣсколько итальянскихъ генераловъ и много офицеровъ убито и ранено. Наши войска въ упорствѣ и горячности не уступали противнику.

У насъ до подхода Кутузова, боемъ руководилъ Дохтуровъ. Кромѣ нихъ, особенно видное участіе въ этомъ бою изъ старшихъ начальниковъ принимали Ермоловъ и Коновницынъ. Первый руководилъ боемъ внутри города, а Конов-

ницына Кутузовъ направилъ въ самый критическій моментъ на помощь нашимъ храбрымъ защитникамъ; посылая его, Кутузовъ сказалъ: „Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ“. Милорадовичъ, спѣша со своими войсками къ Мало-Ярославцу, прошелъ въ этотъ день 50 верстъ *) и подошелъ сюда къ концу сраженія. Обрадованный его неожиданнымъ прибытіемъ, Кутузовъ сказалъ ему: „Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“.

Картина изображаетъ одинъ изъ моментовъ упорной борьбы за обладаніе входомъ въ городъ по большой дорогѣ изъ Москвы. Здѣсь непріятель занялъ монастырскія зданія (видны на правой сторонѣ картины) и постройки почтоваго двора на противоположной сторонѣ дороги (остатки ихъ видны на лѣвой сторонѣ картины). Занявъ ихъ, онъ господствовалъ надъ входомъ въ городъ. Почтовый дворъ почти разрушенъ огнемъ нашей артиллеріи, но защитники его не покидаютъ и упорно обороняются. Въ правомъ углу картины—Дохтуровъ (на рыжемъ конѣ). Особенно трудно было расположить нашу артиллерію въ тѣснотѣ городскихъ построекъ. На картинѣ видна наша пушка, снимающаяся съ передка.

Потери съ обѣихъ сторонъ были очень велики. Плѣнныхъ не брали—бой былъ безпощаденъ. У насъ тяжело раненъ отважный генералъ Дороховъ, прославившійся своими партизанскими дѣйствіями во время занятія непріателемъ Москвы (отъ раны, полученной въ сраженіи у Мало-Ярославца, онъ страдалъ болѣе двухъ лѣтъ и умеръ въ 1815 году).

*) Такъ какъ Милорадовичъ находился въ авангардѣ передъ Тарутинскимъ лагеремъ, то и былъ наиболѣе другихъ войскъ нашей арміи удаленъ отъ Мало-Ярославца.

30

Сраженіе подъ Мамыль Ярославцель, 12-го Октября 1812 г.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Въ Городнѣ. Пробиваться или отступать?

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Послѣ сраженія 12 октября при Мало-Ярославцѣ и весь слѣдующій день Наполеонъ находился въ нерѣшительности, что предпринять (рѣдкое съ нимъ явленіе): атаковать-ли Кутузова и пробиться къ Калугѣ, чтобы идти къ Смоленску по путямъ, еще не тронутымъ войною; или-же отступить, возвратиться на дорогу, по которой армія его наступала отъ Смоленска къ Москвѣ, и затѣмъ по ней идти къ Смоленску. Конечно, въ случаѣ успѣшнаго боя, первое рѣшеніе было гораздо выгоднѣе, т. к. открывало Наполеону путь въ богатый продовольственными средствами районъ, тогда какъ второе выводило его на опустошенную уже дорогу. Но можно ли ручаться за успѣхъ боя?— Вотъ вопросъ, который заставлялъ Наполеона задуматься.

Картина Верещагина воспроизводитъ фактъ, слѣдующимъ образомъ рассказанный нашимъ историкомъ Отечественной войны (М. Богдановичемъ). Въ день боя при Мало-Ярославцѣ квартира Наполеона была устроена въ с. Городнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мало-Ярославца

(см. карту № 5); здѣсь для него былъ очищенъ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ. Послѣ сраженія, уже ночью, Наполеонъ, возвратившись въ Городню, призвалъ къ себѣ на совѣщаніе Мюрата (короля Неаполитанскаго, начальника кавалеріи), Бертье (начальника штаба арміи) и нѣкоторыхъ другихъ маршаловъ. Объяснивъ имъ, что прибытіе русской арміи на Калужскую дорогу измѣнило положеніе дѣлъ, Наполеонъ вдругъ схватился за голову обѣими руками и, облокотясь на столъ, на которомъ лежала карта театра дѣйствій, устремилъ въ нее взоръ въ совершенномъ безмолвіи. Съ удивленіемъ смотрѣли маршалы на своего повелителя; никогда еще не выказывалъ онъ такъ явно смущенія. Наконецъ,—когда прошло уже болѣе часа, Наполеонъ отпустилъ своихъ сподвижниковъ, не сказавъ имъ ни слова на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Въ изображеніи Верещагина, на лавкѣ сидятъ Наполеонъ и Мюратъ; изъ стоящихъ—ближайшій къ зрителю есть начальникъ штаба арміи Наполеона—маршалъ Бертье.

Картина № 32.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

На морозѣ.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Это портретъ Наполеона въ зимней одеждѣ польскаго покроя, которую онъ надѣлъ съ наступленіемъ морозовъ. Одежда эта состояла изъ зеленой шубы, обшитой соболями, съ золотыми бранденбургами, собольей шапки и мѣховыхъ сапогъ. Въ первый разъ онъ надѣлъ ее 19 октября, подъѣзжая къ Вязьмѣ. Борода и усы не бриты (некогда этимъ заниматься).

№ 32

В. В. Верецаинъ. - На морозъ.

E. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

Сраженіе при Вязьмѣ 22 октября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Это первое большое дѣло при параллельномъ преслѣдованіи арміею Кутузова арміи Наполеона, отступавшей отъ Мало-Ярославца къ Смоленску. Милорадовичъ, начальникъ авангарда нашей арміи, намѣревался, въ нѣсколькихъ верстахъ не доходя Вязьмы, отрѣзать корпусъ Даву, слѣдовавшій въ арьергардъ непріятельской арміи, и, выйдя ему на перерѣзъ, вступилъ съ нимъ въ бой. Но на помощь Даву пришли корпуса вице-короля и Понятовскаго, повернушіе отъ Вязьмы назадъ для помощи своему арьергардному корпусу. Непріятель оказался значительно сильнѣе насъ, и корпусу Даву удалось пробиться къ Вязьмѣ. Здѣсь непріятельскія войска расположились на позиціи впереди города. Наши

войска атаковали. Непріятель отступилъ въ городъ и зажегъ его. Милорадовичъ приказалъ штурмовать городъ, объятый пламенемъ. Картина изображаетъ этотъ штурмъ. 26-я дивизія Паскевича и 11-я Чоглокова пошли въ атаку. Головные полки 11-й дивизіи наступали съ распущенными знаменами, подъ музыку. Первымъ вступилъ въ городъ съ двумя конными орудіями и стрѣлками, находившійся при Милорадовичѣ адъютантъ Ермолова, поручикъ Граббе. Съ другой стороны ворвались въ городъ партизаны Сеславинъ и Фигнеръ.

Вслѣдъ за войсками идутъ, вооруженные топорами, жители.

Сраженіе при Вазьли, 22-го Октября 1812г.

На этапъ. Дурныя вѣсти изъ Франціи.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

24 октября, на ночлегъ въ Михалевкѣ (на большой Московско-Смоленской дорогѣ, между Дорогобужемъ и Смоленскомъ), Наполеонъ получилъ изъ Парижа извѣстіе о заговорѣ генерала Мале (Malet); Мале покушался военною силою ниспровергнуть власть Наполеона. Хотя покушеніе не имѣло серьезнаго успѣха и генералъ Мале былъ казнень, но извѣстіе это произвело на Наполеона удручающее впечатлѣніе. Онъ былъ болѣе всего пораженъ тѣмъ, что покушеніе Мале основывалось на распространившихся слухахъ объ его смерти. — „А Наполеонъ II *), о немъ и не подумали!“ сказалъ онъ.

*) Отъ брака Наполеона съ дочерью австрійскаго Императора Маріею-Луизою въ 1811 году родился сынъ; это и есть Наполеонъ II. Наканунъ Бородинскаго сраженія Наполеону изъ Парижа былъ приве-

Наполеонъ изображенъ въ сельской церкви, гдѣ для него былъ устроенъ ночлегъ. Художникъ имѣлъ право это сдѣлать на основаніи историческихъ показаній; такъ, въ „Исторіи Отечественной войны“ М. Богдановича (III т., стр. 83) сказано, что „Наполеонъ 21 октября, прибывъ въ с. Семлево, остановился въ небольшой церкви, которая была обращена въ почтовую станцію и обнесена палисадами“ (т. е. приведена въ оборонительное положеніе на случай нападенія).

зень портретъ его маленькаго сына, который онъ приказалъ выставить у своей палатки, чтобы гвардія могла полюбоваться на его наследника.

J. LAPINA DE G. IMP. BOUL. PARIS.

34

В. В. Верещагинъ. - На этапъ.
Дурныя вѣсти изъ Франціи.

Сраженіе подъ Краснымъ 5 ноября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ ноябрьскихъ бояхъ подъ Краснымъ (3—6 ноября) армія Наполеона потерпѣла рядъ поражений. Главнымъ изъ нихъ является бой 5 ноября, въ которомъ принялъ участіе самъ Наполеонъ. Онъ притянулъ къ полю сраженія старую гвардію и находился при ней, въ своемъ зимнемъ костюмѣ, пѣшкомъ, опираясь на березовую палку. Когда одинъ изъ генераловъ обратилъ его вниманіе на ту опасность, которой онъ подвергается въ виду численнаго превосходства Русскихъ, Наполеонъ сказалъ: „J'ai assez fait l'empereur; il est temps de faire le général“. Въ этомъ сраженіи Наполеону хотя и удалось помочь Даву пройти на соединеніе съ другими корпусами арміи, сильно однако ослабленному этимъ боемъ, понесшему въ немъ большія потери, но все же Наполеонъ принужденъ былъ отступить, не дождавшись подхода своего аррьергарднаго корпуса — Нея, и предоставить его собственной участи, а именно жестокому поражению на слѣдующій день.

Въ бою 5 ноября подъ Краснымъ русскія войска привели непріателя въ сильное разстройство и причинили ему большія потери въ людяхъ, орудіяхъ и обозѣ. Между прочимъ захваченъ обозъ маршала Даву и въ немъ его маршальскій жезлъ (честь захвата этого жезла принадлежитъ Л. Гв. Финляндскому полку).

Картина воспроизводитъ атаку нашей кирасирской бригады (полки Военнаго Ордена и Екатеринославскій) на одну изъ колоннъ Даву, понесшую при этомъ большія потери. Въ лѣвомъ углу картины на рыжей лошади — начальникъ нашего авангарда, Милорадовичъ; наши кирасиры атакуютъ; непріатель частью бѣжитъ, частью кладетъ оружіе. Вдали виденъ городъ Красный.

Кутузовъ, проѣзжая вечеромъ по дорогѣ въ Красное, ясно видѣлъ признаки сильнаго разстройства непріательской арміи. Нашъ историкъ (М. Богдановичъ) описываетъ это такъ:

„По дорогѣ встрѣчалъ онъ тысячи плѣнныхъ непріателей, и въ томъ числѣ офицеры и солдаты Наполеоновой гвардіи, множество орудій — частью брошенныхъ французами, частью захваченныхъ съ боя; на каждомъ шагу онъ видѣлъ несомнѣнные свидѣтельства нашей побѣды и разстройства непріательской арміи. Фельдмаршалъ, видимо изумленный послѣдствіями дѣла, казался помолодѣвшимъ. Здѣсь, впервые со времени прибытія его въ армію, онъ пустился въ галопъ на бѣломъ конѣ своемъ, подскакалъ къ колоннѣ Преображенскаго полка и, указавъ на отбитые трофеи, громко вскричалъ „ура!“, повторенное нѣсколько разъ исполинами гвардіи, а потомъ и всѣми ближайшими войсками“.

Этотъ короткій рассказъ историка далъ нашему геніальному романисту, Л. Толстому, матеріалъ для слѣдующаго художественнаго разсказа въ одной изъ главъ „Войны и мира“.

„День былъ ясный морозный. Кутузовъ съ огромною свитою недовольныхъ имъ, шушукających за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, бѣлой лошади ѣхалъ къ Добруму *). По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ въ нынѣшній день французскихъ плѣнныхъ (ихъ взято было въ этотъ день 7.000). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и окутанныхъ чѣмъ попало плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкъ, и всѣ глаза устали на Кутузова, который въ своей бѣлой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловыхъ пле-

чахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

— Что ты говоришь? спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятые знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А, знамена! сказалъ Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣянно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кружокъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ! сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова: — благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки! — Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ Преображенцевъ. — Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята, быстрымъ движеніемъ подбородка, обратясь къ солдатамъ, проговорилъ онъ:

— Ура-ра-ра! заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ, блескомъ.

— Вотъ что, братцы... сказалъ онъ, когда замолкли. И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человекъ, очевидно что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу васъ царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все-же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ. Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой, кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ м... и... в.г..., вдругъ сказалъ онъ, поднимая голову. И взмахнувъ нагайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстроивавшихъ ряды солдатъ“.

*) За Краснымъ — с. Доброе, куда Кутузовъ перенесъ свою главную квартиру послѣ сраженія 5 ноября.

35

Сраженіе подъ Краснымъ, 5-го Ноября 1812 г.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

П. ГЕССЪ.

Сраженіе при рѣчкѣ Лосминѣ 6 ноября 1812 года.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Это сраженіе было послѣднимъ въ четырехдневныхъ бояхъ подъ Краснымъ, въ которыхъ наша армія била по частямъ армію Наполеона при отступленіи ея отъ Смоленска къ Оршѣ. Въ сраженіи 6 ноября мы почти совершенно уничтожили цѣлый непріятельскій корпусъ Нея.

Наканунѣ, 5 ноября, мы нанесли пораженіе ядру непріятельской арміи и принудили Наполеона отступить за Красный, не дождавшись подхода къ нему арьергарднаго корпуса Нея; такимъ образомъ, корпусъ этотъ оказался отрѣзаннымъ отъ своей арміи и былъ предоставленъ собственной участи.

Въ 3 ч. дня 6 ноября корпусъ Нея, идя изъ Смоленска, подошелъ къ р. Лосминѣ. Рѣчка эта пересѣкаетъ большую дорогу изъ Смоленска въ Красный, въ нѣсколькихъ верстахъ недоходя послѣдняго; она течетъ съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Днѣпръ. На лѣвой сторонѣ рѣчки стояли наши войска подъ командою Милорадовича. День былъ туманный, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя трудно было видѣть, а потому сраженіе разыгралось нѣсколько неожиданно для обѣихъ сторонъ. Огнемъ нашей артиллеріи и атаками пѣхоты и ка-

валеріи корпусъ Нея былъ совершенно разстроенъ; онъ потерялъ много людей и орудій. Видя невозможность пробиться къ Красному, Нея собралъ небольшую часть своего корпуса (не болѣе 3.000 ч.) и направился вдоль рѣчки Лосмины къ Днѣпру, рассчитывая тамъ переправиться на другую его сторону и правымъ его берегомъ идти въ Оршу на соединеніе со своею арміею. Остальныхъ людей своего корпуса онъ предоставилъ на произволъ судьбы. Онъ дошелъ до Днѣпра съ потерей части людей и всѣхъ орудій, съ большими трудностями переправился черезъ Днѣпръ и пошелъ къ Оршѣ, но былъ настигнутъ казаками Платова, который нѣсколько разъ его атаковалъ и причинилъ ему значительныя потери, такъ что Нею удалось привести въ Оршу не болѣе 800—900 человекъ. Всѣхъ остальныхъ людей, всю артиллерию и обозы онъ потерялъ. Мы взяли въ этотъ день въ плѣнъ около 12.000 человекъ и 27 орудій.

Картина воспроизводитъ атаку нашихъ войскъ на корпусъ Нея въ Лосминскомъ оврагѣ. Справа видны наши гвардейскіе уланы, которые при атакѣ отбили у непріятеля 5 орудій и знамя.

36

Бой на Лосминь, 6-го Ноября 1812 г.

J. LAPINA & CO IMP. ÉDIT. PARIS.

Картина № 37.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Атака.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Къ дѣйствіямъ нашихъ войскъ въ Отечественную войну.
Наша пѣхота по глубокому снѣгу идетъ въ атаку.

Первый снѣгъ на главномъ театрѣ войны въ войну 1812 года пошелъ 23 октября, на слѣдующій день послѣ сраженія при Вязьмѣ. Морозъ постепенно увеличивался и скоро дошелъ до 12 градусовъ; 1 ноября онъ усилился до 17°, а на слѣдующій день до 19°; при такомъ морозѣ велись бои подъ Краснымъ (3—6 ноября).

Картина должна быть отнесена ко времени конца октября и первыхъ чиселъ ноября.

37

В. В. Верещагинъ. - Аттака.

E. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS.

Картина № 38.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Партизаны.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Картинѣ этой художникъ придалъ не совсѣмъ вѣрное названіе. Подъ партизанами разумѣются начальники воинскихъ легкихъ отрядовъ изъ казаковъ или регулярной кавалеріи; это офицеры выдающейся самостоятельности, смѣлости и рѣшительности. А здѣсь изображена партія поселянъ, тоже смѣлыхъ и рѣшительныхъ, вооружившихся на народную войну (объ нихъ см. „Очеркъ войны“, стр. 21—23). Судя по зимнему пейзажу, надо думать, что картина относится къ послѣднимъ числамъ октября и началу ноября и иллюстрируетъ дѣйствія народныхъ дружинъ Смоленской губерніи.

О народной войнѣ Двѣнадцатаго года поэтъ сказалъ:

Неужто забыть намъ Двѣнадцатый годъ ?
Неужели нами забыты
Тѣ дни испытаній и тяжкихъ невзгодъ,
Когда поголовно всталъ русскій народъ
Во имя народной защиты ?

Порогъ нашъ былъ погранъ, къ намъ грозной войной
Двадцать вторглось языка,
И въ самое сердце Россіи родной,
Пророча ей гибель, привелъ ихъ съ собой
Плѣненной Европы владыка.

Въ то время не въ писанномъ правѣ войны —
Въ народѣ спасенья искали;
И были всѣ силы земли призваны;
И въ лѣтопись кровью Россіи сыны
Дѣянья тѣхъ дней записали.

Во гнѣвъ возстали за честь очага
И старый и малый не даромъ ;
И бабы съ ухватами шли на врага...
Свѣтло озарились родные снѣга
Москвы незабвеннымъ пожаромъ.

(Изъ стихотворенія Хитрово).

LAPINA ET G. IMP. EDITE, PARIS

Картина № 39.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Съ оружіемъ въ рукахъ?... Разстрѣлять!

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Эпизодъ, иллюстрирующий народную войну 1812 года. Нѣсколько русскихъ крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ захвачено непріятельскими солдатами. Ихъ связанными привели къ Наполеону. Судя по костюмамъ Наполеона и его свиты и по снѣжному пейзажу и сопоставляя съ временемъ перваго снѣга и морозовъ на главномъ театрѣ войны въ 1812 году, — это конецъ октября и первыя числа ноября, мѣсто дѣйствія — Смоленская губернія.

Наполеонъ, раздраженный своими военными неудачами и озлобленный противъ населенія, враждебно отнесшагося къ его вторженію въ родныя земли, приказываетъ разстрѣлять приведенныхъ къ нему крестьянъ. Позади Наполеона въ шляпѣ съ перомъ стоитъ король Неаполитанскій, маршалъ Мюратъ.

В. В. Верещагинъ. - Съ оружїємъ въ рукахъ?... Разстрѣляютъ!

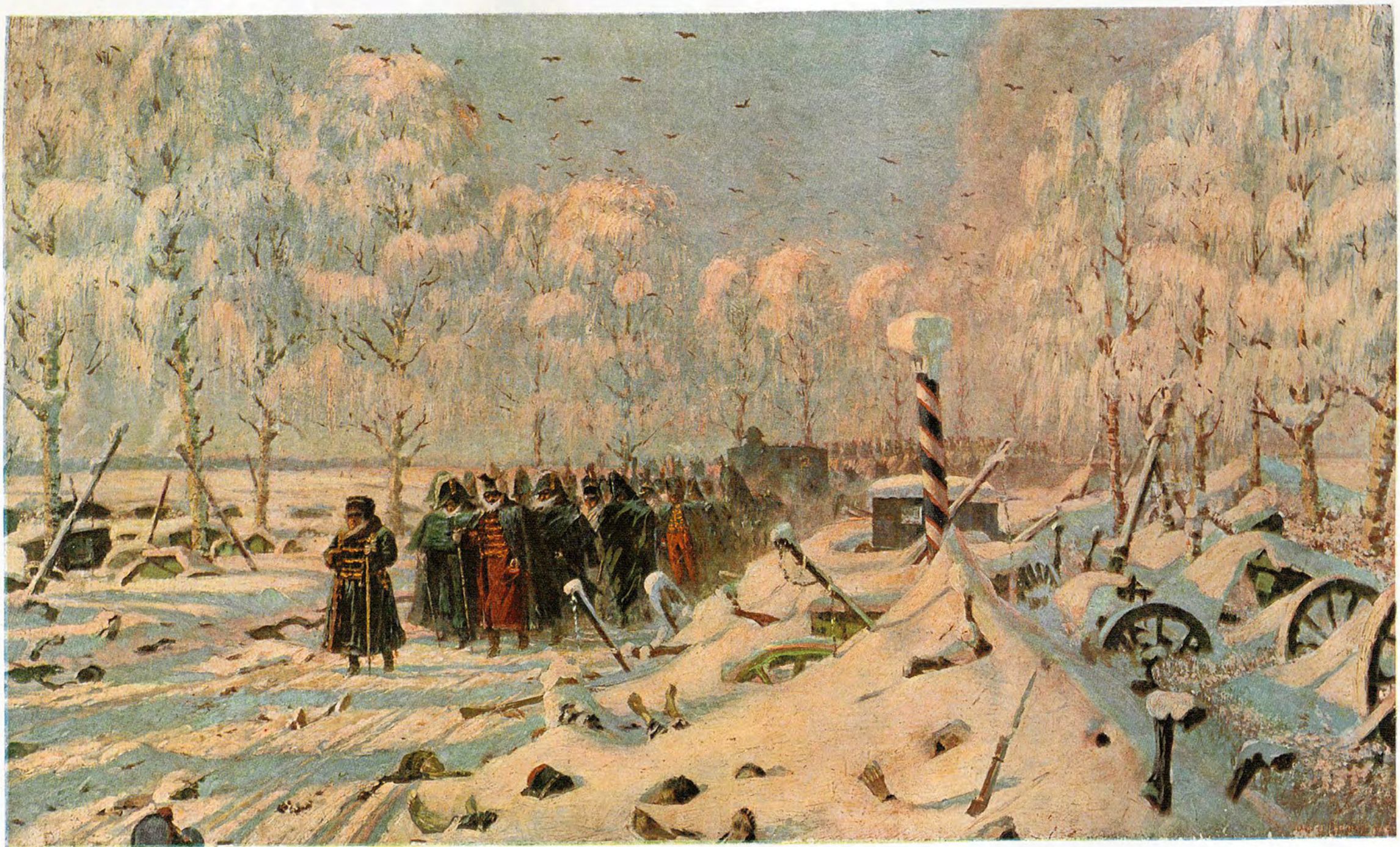
Картина № 40.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Отступление.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Съ наступленіемъ морозовъ, 19 октября, Наполеонъ надѣлъ зимній костюмъ польскаго покроя (описаніе его см. въ объясненіи къ картинѣ № 32). Слѣдуя съ арміей при ея отступленіи отъ Москвы, Наполеонъ въ морозы ѣхалъ въ крытомъ экипажѣ, изъ котораго по временамъ выходилъ и, опираясь на березовую палку, шелъ пѣшкомъ, сопровождаемый свитою. На дорогѣ слѣды распада его арміи: занесенныя снѣгомъ части повозокъ обоза, лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ, торчатъ брошенныя ружья, голыя ноги замерзшихъ людей и т. д.

В. В. Верещагинъ. - Отступление.

Картина № 41.
В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Ночной привалъ „Великой арміи“.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Армія, съ которой Наполеонъ вступилъ въ Россію въ 1812 году, называлась „La grande armée“. По русски это „Большая армія“ или „Великая армія“. Первое, надо думать, правильнѣе: не о величій, а о величинѣ говоритъ французское названіе — въ 1812 году Наполеонъ выставилъ армію такой численности, какъ никогда ранѣе.

Выбравъ для своей картины выраженіе „Великая армія“, художникъ вѣроятно хотѣлъ подчеркнуть тщету этого величія. Картина иллюстрируетъ время гибельнаго отступленія этой арміи въ суровую зиму (конецъ октября, ноябрь), когда ночевать приходилось въ полѣ, подъ снѣжною мятью.

41

В. В. Верещагинъ. - Ночной привалъ великой арміи.

I. LAPINA ET C. IMP. EDITE. PARIS.

Сожженіе знаменъ „Большой арміи“.

Послѣ гибельныхъ для арміи Наполеона боевъ подъ Краснымъ (3—6 ноября 1812 г.), онъ съ остатками ея направился къ Минску, рассчитывая переправиться черезъ р. Березину у г. Борисова, гдѣ у него имѣлись укрѣпленная переправа и гарнизонъ. Но дойдя 11 ноября до м. Бобра, въ трехъ переходахъ отъ Борисова, онъ получилъ тяжелое извѣстіе объ овладѣніи нашими войсками Борисовскою переправою. Къ этому времени армія Наполеона была уже окружена нашими арміями; съ потерю Борисовской переправы ей отрѣзывался единственный путь отступленія. Въ такую минуту онъ приказалъ принести къ себѣ знамена всѣхъ полковъ и сжечь ихъ. Знамена въ арміи Наполеона назывались

орлами, потому что древко ихъ увѣнчивалось орломъ съ 1804 года, времени провозглашенія Наполеона императоромъ, въ подражаніе орламъ римскихъ легіоновъ.

Наполеонъ сидитъ передъ костромъ, на которомъ сжигаются знамена. Два солдата отдають честь, держа ружья на караулъ. Барабанъ бьетъ. За Наполеономъ стоятъ его маршалы и свита; въ числѣ ихъ—король Неаполитанскій, маршалъ Мюратъ (въ шляпѣ съ перомъ отдаеть честь знаменамъ).

Художникъ поставилъ подъ картиною латинское изреченіе „Sic transit gloria mundi“, что означаетъ: „Такъ проходитъ слава міра сего“.

Переходъ черезъ Березину.

Находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Переправа арміи Наполеона черезъ рѣку Березину составляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ Отечественной войны. Здѣсь Наполеону готовилась конечная катастрофа — полное окруженіе его арміи нашими арміями. Но фортуна еще разъ улыбнулась ему здѣсь, и Наполеонъ съ обычнымъ ему мастерствомъ сумѣлъ этимъ воспользоваться: онъ проскочилъ въ разрывъ, который мы сами сдѣлали въ томъ кольцѣ, которымъ его окружали и которое постепенно сдавливали, но въ самую рѣшительную минуту сами-же его разорвали. Хотя съ жалкими остатками своей „большой арміи“, но все-же онъ ушелъ, покинулъ предѣлы Россіи и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выставилъ въ Германіи новую армію, съ которой сдѣлалъ еще двѣ кампаніи 1813 и 1814 годовъ противъ европейской коалиціи.

Картина относится къ утру 17 ноября.

Въ теченіе 14, 15 и 16 ноября совершалась переправа арміи Наполеона по двумъ мостамъ, устроеннымъ у с. Студянки. Наши военачальники — Чичаговъ на правомъ берегу р. Березины и Витгенштейнъ на лѣвомъ — были обмануты Наполеономъ и дали ему возможность 13 ноября безпрепятственно поставить мосты и въ теченіе 14-го исполнять по нимъ переправу безъ боя; 15-го мы атаковали только войсками Витгенштейна и то не у Студянки, гдѣ совершалась переправа, а у Борисова, гдѣ Витгенштейнъ прижалъ аррьергардъ арміи Наполеона; 16-го мы атаковали на обѣихъ сторонахъ Березины и хотя вырвали у непріятеля много жертвъ, но воспрепятствовать переправѣ не могли. Къ утру 17-го всѣ войска арміи Наполеона были уже переправлены черезъ р. Березину. На лѣвомъ берегу ея, у Студянки, оставались многочисленные обозы, которыхъ непріятель не успѣлъ переправить, а также толпы безоружныхъ и отсталыхъ непріятельской арміи, много больныхъ и раненыхъ, равно-же женщины и дѣти.

Вотъ картина того, что по описанію нашего историка (М. Богдановича) происходило на лѣвомъ берегу переправы черезъ Березину, у Студянки, утромъ 17 ноября:

„Тутъ оставалось несмѣтное число больныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ, чиновниковъ, служителей, маркитантовъ; встрѣчались и женщины съ дѣтьми, слѣдовавшія за арміею отъ Москвы. Нѣкоторые изъ отсталыхъ могли бы переправиться въ ночь съ 16-го на 17-е, бросивъ свои повозки и лошадей, но оставались на мѣстѣ, въ надеждѣ сохранить ихъ; другіе, раненые или больные, лежали въ изнеможеніи; наконецъ были и такіе, кои, успѣвъ развести огонь, отогрѣвались, погруженные въ совершенное безчувствіе. Напрасно Викторъ (начальникъ аррьергарда) и другіе французскіе генералы старались убѣдить одиночныхъ людей, чтобы они позаботились о своемъ спасеніи. Въ пять часовъ утра зажжены были повозки, что заставило многихъ переправиться на правый берегъ; въ половинѣ седьмого Викторъ перевелъ аррьергардъ и снялъ свои передовые посты. Тогда всѣ отсталые кинулись толпой къ мостамъ и загромождали подходъ къ

нимъ. Приказано было зажечь мосты въ 8 часовъ, но такъ какъ Русскіе еще не показывались, то исполненіе этого приказанія было замедлено, чтобы дать время спастись людямъ, остававшимся на лѣвой сторонѣ рѣки. Въ половинѣ 9-го на высотахъ Студянки появились грозные для отступавшаго непріятеля Донцы; чтобы удержать ихъ, мосты были зажжены. Тысячи больныхъ и раненыхъ, женщины, дѣти, были брошены. Тѣ изъ нихъ, которые сохранили сколько нибудь силы, блуждали по берегу въ отчаяніи, умоляя небо и людей о помощи, либо кидались толпами къ пылающимъ мостамъ, которые обрушивались подъ ихъ тяжестью; другіе покушались перебраться на другой берегъ по льду, ставшему между мостами, либо вплавъ ниже мостовъ, — и тонули, либо гибли, раздавленные между льдинами“.

„Войскамъ графа Витгенштейна, при появленіи ихъ у Студянки, открылось необычайное зрѣлище: пространство почти на квадратную версту было уставлено экипажами, фурами, повозками, между которыми, среди награбленной добычи, лежали кучи тѣлъ, ползали раненые и умирающіе, бродили голодные, полузамерзшіе непріятели. При стужѣ въ 20 градусовъ положеніе этихъ несчастныхъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, было ужасно. Среди множества предметовъ роскоши, вывезенныхъ изъ Москвы, мужчины и женщины, едва прикрытые грязными рубищами, просили у нашихъ солдатъ, какъ милости, куска хлѣба. Русскіе сухари, о которыхъ такъ невыгодно отзываются иностранцы, продавались дорогою цѣною названнымъ гостямъ; офицеры за кусокъ хлѣба предлагали часы, кольца и деньги; но многіе изъ нашихъ солдатъ, побуждаемые чувствомъ состраданія, свойственнымъ русскому человѣку, не помышляли о наживѣ, а дѣлились съ непріятелями, въ особенности съ женщинами и дѣтьми, своими послѣдними крохами“.

„Число плѣнныхъ, захваченныхъ у Студянки войсками графа Витгенштейна, простиралось до 5.000; намъ досталось 12 орудій, много зарядныхъ и патронныхъ фуръ и обозъ съ огромною добычею, которая была отдана солдатамъ и ратникамъ*), за исключеніемъ церковныхъ вещей, отправленныхъ, по распоряженію графа Витгенштейна, къ главнокомандующему Москвы“.

Картина Гесса воспроизводитъ появленіе нашихъ войскъ у Студянки (мѣста переправы черезъ Березину) утромъ 17 ноября. На правой сторонѣ картины — верхомъ на гнѣдой лошади, въ плащѣ (надѣтомъ въ рукава) — графъ Витгенштейнъ.

Въ правомъ углу картины видны всадники бывшей у насъ въ то время иррегулярной конницы изъ башкиръ, калмыковъ и нѣкоторыхъ другихъ инородцевъ Оренбургскаго края и Астраханской губерніи.

*) Въ составѣ войскъ Витгенштейна имѣлись ополченныя части, наравнѣ съ войсковыми частями принимавшія участіе въ бояхъ.

43

Переходъ черезъ Березину, 16-го Ноября 1812 г.

J. LAPINA & CO. IMP. EDIT. PARIS.

„Въ 1812 году“.

Находится въ Третьяковской галлерей, въ Москвѣ.

Это своего рода апофеозъ „Великой (большой) арміи“ Наполеона. Грозная въ іюнѣ 1812 года, при вторженіи въ Россію, она пришла въ жалкій видъ къ концу достопамятнаго Двѣнадцатаго года, когда воины ея велись подъ конвоемъ русскихъ мужичковъ и бабъ, вооруженныхъ вилами и рогатинами.

Терпя отъ холода, голода и усталости и неотступнаго нашего преслѣдованія, воины арміи Наполеона, при отступленіи, сотнями и тысячами бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ. Въ такое состояніе эта армія пришла уже послѣ боевъ у Краснаго (3—6 ноября) и особенно послѣ переправы черезъ р. Березину (14—16 ноября). А до Смоленска такихъ массовыхъ сдачъ еще не было; когда 28 октября у Ляхова бригада Ожеро (1.650 чел.) положила оружіе и сдалась въ плѣнъ, Кутузовъ придалъ этому факту особое значеніе и доносилъ Государю: „Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменательна, что въ первый разъ, въ продолженіе нынѣшней кампаніи, непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе“ *). Въ бояхъ подъ Краснымъ (3—6 ноября) мы забрали въ общемъ болѣе 26.000 плѣнныхъ; тутъ были уже

массовыя сдачи; вотъ одинъ изъ эпизодовъ. Когда послѣ боя 6 ноября на Лосминѣ генералъ Раевскій легъ уже отдохнуть въ отведенной ему квартирѣ, къ нему явилось два непріятельскихъ офицера, въ качествѣ депутатовъ отъ 5.000 французовъ корпуса Нея, не хотѣвшихъ сдаться никому, кромѣ генерала Раевского. „Такимъ образомъ“, говоритъ Раевскій въ своихъ запискахъ, „я взялъ въ плѣнъ 5.000 человекъ, не вставая съ постели“. Въ бою 15 ноября, при Борисовѣ на Березинѣ, сдалась цѣлая дивизія (дивизія Партуно въ 5.000 чел.) изъ свѣжаго корпуса Виктора, не участвовавшего въ бѣдственномъ отступленіи отъ Москвы.

За Березиною, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго (извѣстный историкъ Отечественной войны и самъ участникъ въ ней), плѣнными у насъ уже просто пренебрегали. „Часто они отставали отъ непріятельскаго арьергарда, шли навстрѣчу нашимъ войскамъ, отъ которыхъ цѣлыми тысячами плѣнныхъ давали иногда не болѣе двухъ, трехъ казаковъ, башкирцевъ или поселянъ. Нерѣдко бабы — одна впереди, другая позади — гнали дубинками стада европейцевъ. Даже съ ружьями шатались французы между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги, но никто ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ и бивакамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ безобразныя чучела, слабымъ голосомъ вымаливая кусокъ хлѣба...“

*) Хотя въ предыдущихъ бояхъ мы брали и больше плѣнныхъ (при Вязьмѣ 22 октября—3.000 ч.), но при Ляховѣ сдался цѣлый крупный отрядъ, со всѣми офицерами и артиллеріей.

Картина № 45.

Н. С. МАТВѢЕВА.

Король Пруссій Фридрихъ-Вильгельмъ III съ сыновьями благодаритъ Москву за спасеніе его государства.

Копія съ оригинала, исполненная для настоящаго изданія самимъ авторомъ-художникомъ.

Самъ авторъ-художникъ даетъ слѣдующее поясненіе къ своей картинѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1818 года прибылъ въ Москву прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Съ нимъ были сыновья: старшій — наслѣдный принцъ, — ставшій потомъ королемъ Фр.-Вильгельмомъ IV, и 20-лѣтній принцъ Вильгельмъ, впоследствии императоръ германскій Вильгельмъ I. Древняя столица въ то время только что начала возрождаться изъ пепла и развалинъ послѣ „священной памяти двѣнадцатаго года“. Король освѣдомился, не осталось ли въ городѣ зданія, съ котораго можно было бы осмотрѣть эти развалины. Разыскать такое зданіе и сопровождать августѣйшихъ гостей поручено было генераль-маіору П. Д. Киселеву. Онъ повелѣлъ ихъ на Пашковскую вышку (бельведеръ въ домѣ теперешняго Румянцевскаго музея).

„Только что мы всѣ влѣзли туда“, рассказываетъ Киселевъ въ своихъ мемуарахъ, „и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, какъ, къ величайшему моему удивленію, старый король сталъ на колѣна, приказавъ и сыновьямъ слѣдовать то же. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: вотъ наша спасительница“.

На картинѣ изображенъ тотъ моментъ, когда король, становясь на колѣна, приказываетъ и сыновьямъ сдѣлать то же. Почтительно внимающій отцу, будущій императоръ Вильгельмъ I готовится исполнить его волю; наслѣдный принцъ, только что еще прислушивающійся къ словамъ короля, снимаетъ шляпу; генераль-маіоръ Киселевъ, удивленный и еще не вполне сознающій происходящее передъ его глазами, стоитъ въ сторонѣ.

Портреты короля и его сыновей заимствованы съ гравюръ того времени, а профиль Киселева — съ медали, выбитой въ честь его. П. Д. Киселевъ (род. въ 1788 г.) былъ впоследствии министромъ государственныхъ имуществъ, русскимъ посломъ въ Парижѣ и получилъ титулъ графа.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за іюнь 1818 г. упомянуто, что король и наслѣдный принцъ въ пріѣздѣ въ Москву были въ русскихъ мундирахъ и въ лентахъ Св. Андрея Первозваннаго.

Пашковъ домъ въ 1818 г. былъ только что возобновленъ послѣ пожара Двѣнадцатаго года.

Фридрихъ-Вильгельмъ III не однажды выражалъ Москвѣ свою признательность. Еще только издали увидѣвъ Москву, изъ села Кунцева, король привѣтствовалъ ее, какъ избавительницу его отечества отъ нашествія Наполеона. Въ память этого въ Кунцевѣ сооруженъ пирамидальный памятникъ съ надписью: „1818 года іюня 4 дня, король Пруссій, узрѣвъ изъ села Кунцева Москву, благодарствовалъ ей за спасеніе своего государства“.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ король не переставалъ удивляться какъ Кремлю съ его историческими достопримѣчательностями, такъ и самой Москвѣ, возрождавшейся изъ пепла. Смотря однажды съ Краснаго крыльца на ярко блестяшіе на солнцѣ куполы церквей и соборовъ и изумляясь удивительному зрѣлищу, онъ воскликнулъ: „съ Москвой не можетъ соперничать ни одинъ городъ въ мірѣ!“ — Да, это святой городъ! — отвѣтилъ ему съ волненіемъ императоръ Александръ I.

Король оставался въ Москвѣ 11 дней, прогуливаясь безпрестанно въ сопровожденіи императора Александра, который съ гордостью показывалъ ему новыя постройки.

„Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравью, а не лицамъ“.

Эти строки изъ „Горя отъ ума“ относятся именно къ пріѣзду короля Фридриха-Вильгельма III.

Картина, исполненная въ 1896 году, пріобрѣтена Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II.

LAPINA ET C. IMP. EDEL. PARIS.

Матвѣевъ.- Прусскій король благодаритъ Москву.

Торжество открытія памятника Императору Александру I въ Петербургѣ.

Съ картины мясными красками, имѣющейся въ Щукинскомъ Музеѣ (въ Москвѣ).

Памятникъ Императору Александру I въ С-Петербургѣ открытъ 30 августа 1834 года на Дворцовой площади, передъ Зимнимъ дворцомъ съ одной стороны (на правой сторонѣ картины) *) и Главнымъ штабомъ съ другой (на лѣвой сторонѣ картины); вдали видно зданіе Морского министерства съ адмиралтейскимъ шпиремъ.

Памятникъ состоитъ изъ колонны цѣльнаго гранита, увѣнчанной ангеломъ мира, вылитымъ изъ бронзы и поставленнымъ на бронзовомъ полушаріи. Лѣвою рукою ангелъ держитъ крестъ, правую простираетъ къ небу, ногою попираетъ змѣю. Ангелу приданы черты Александра I. На памятникѣ надпись: „Александру I благодарная Россія. 1812“.

Заимствуемъ слѣдующія строки изъ „Воспоминанія“ нашего знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго о торжествѣ открытія этого памятника.

„Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ утомительно душнѣ; къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева поднималась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза... И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта“.

„И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо и какъ-бы приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно... Въ 9 ч. утра вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа... А между тѣмъ вблизи, никому непримѣтно,

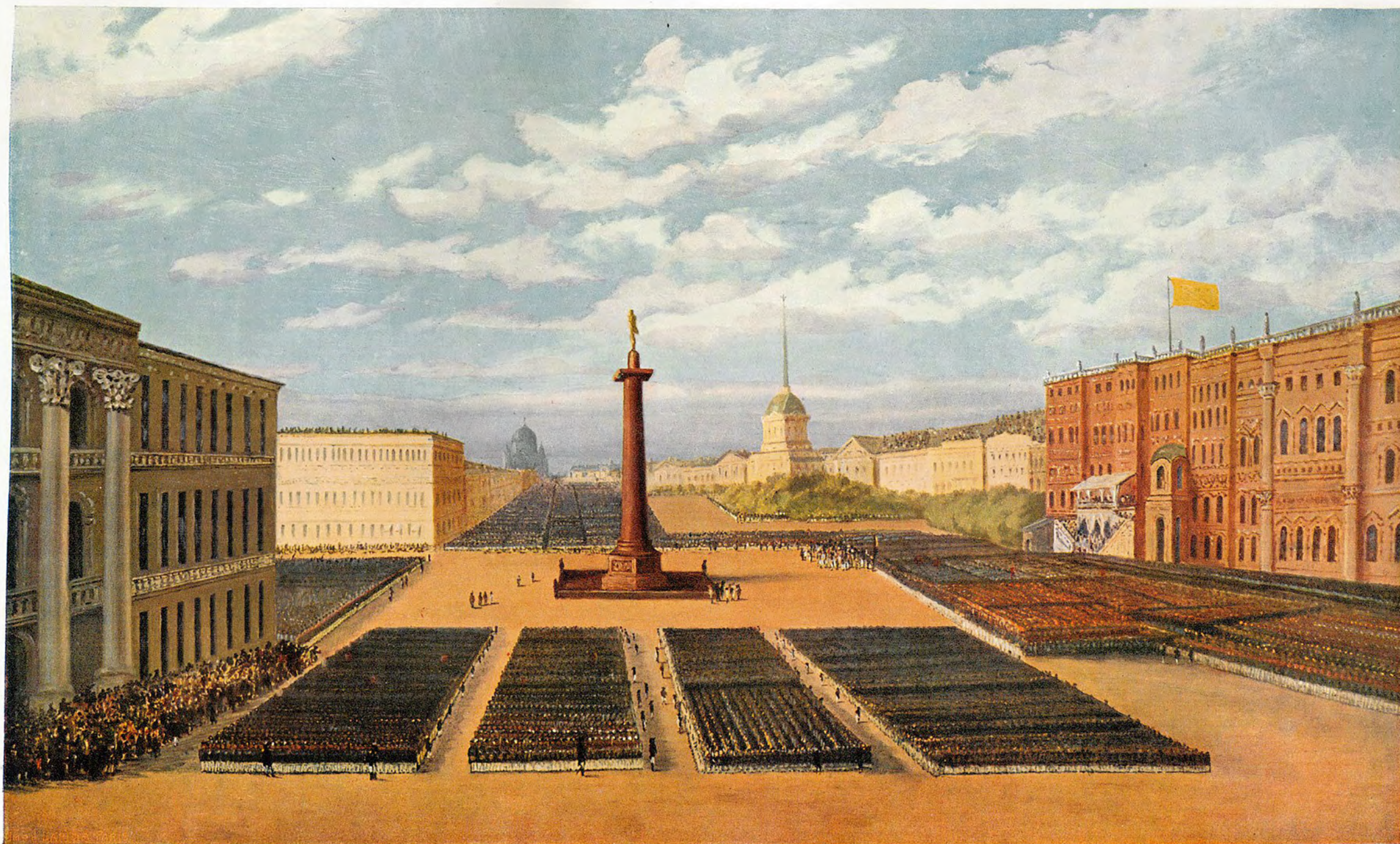
*) Тогдашній Зимній дворецъ сгорѣлъ въ 1837 году. Его фасадъ, обращенный на Дворцовую площадь, отличается отъ теперешняго.

стояла 100 тысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны русскаго войска...

„Войска сошлись, построились. Государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя принца Вильгельма Прусскаго. Въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви и вслѣдъ за ними священный соборъ и Государыня Императрица со всѣмъ Императорскимъ домомъ. Войска отдали честь; одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ въ душу, когда вдругъ съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась... И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира, общее колѣнопреклоненіе войска, народа и предъ ними ихъ Государя... Наконецъ „вѣчная память“ Александру и вслѣдъ за симъ упавшая завѣса колонны и громозвучное, продолжительное „ура“, соединенное съ залпами 500 пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы... Для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя...“

„По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; первосвяtitель окропилъ его святою водою и вслѣдъ за симъ, по одному слову, всколебались всѣ колонны арміи. Съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась, на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ его времени, теперь заслуженные часовые великаго его монумента. Начался церемоніальный маршъ: русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище. Наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ...“

Портретъ свѣтлѣйшаго князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

Находится въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Главкомандующій всѣми арміями въ Отечественную войну (назначенъ 8, прибылъ къ арміямъ 17 августа), генералъ отъ инфантеріи, 67 лѣтъ отъ роду; во время Отечеств. войны произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и пожалованъ титуломъ Смоленскаго. Предшествующая карьера его отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Много боевой службы, сначала подъ командою Румянцева, потомъ Суворова; затѣмъ самостоятельное командование крупными отрядами и арміями въ войнахъ съ турками и въ войну 1805 г. съ Наполеономъ. Въ промежуткахъ исполненіе особыхъ дипломатическихъ порученій въ качествѣ чрезвычайнаго посла, начальствованіе кадетскимъ корпусомъ, неоднократное занятіе должности военнаго губернатора. Это былъ человекъ разностороннихъ способностей, большой проницательности, житейскаго такта, остроумный, съ сердцемъ и сердцевиной. Передъ назначеніемъ своимъ въ должность главнокомандующаго въ Отечественную войну онъ пользовался уже широкою популярностью въ обществѣ и въ войскахъ.

Какъ хорошаго боевого офицера его отличилъ уже Румянцевъ. Суворовъ цѣнилъ его очень высоко и при штурмѣ Измаила (1790 г.) поручилъ ему веденіе одной изъ штурмовыхъ колоннъ и затѣмъ говорилъ: „Кутузовъ шель у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой“. Въ бояхъ былъ дважды раненъ; въ 1774 году пуля ударила въ високъ и вышла у праваго глаза, глазъ былъ потерянъ навсегда; въ 1778 г. при осадѣ Очакова пуля попала въ щеку и вышла въ затылокъ. За штурмъ Измаила въ 1790 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 степени и произведенъ въ генералъ-поручики (по теперешнему генералъ-лейтенантъ), а въ слѣдующемъ году за дѣло при Мачинѣ—орденъ св. Георгія 2 степени. Въ 1793 году былъ посланъ въ Константинополь во главѣ чрезвычайнаго посольства съ дипломатическимъ порученіемъ, которое блестяще исполнилъ. Въ 1794 году назначенъ генералъ-директоромъ сухопутнаго, шляхетскаго, кадетскаго корпуса (нынѣ первый кадетскій). Въ 1798 году произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и назначенъ инспекторомъ войскъ въ Финляндіи. Въ 1801 году назначенъ Литовскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1802 году военнымъ губернаторомъ С.-Петербурга, но затѣмъ вскорѣ вышелъ въ отставку и оставался въ ней до 1805 года, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ русскою арміею, направленною на помощь Австріи въ войнѣ съ Наполеономъ.

Вызванное стратегическимъ положеніемъ (капитуляціею австрійской арміи до подхода къ ней нашей), отступленіе русской арміи изъ Баваріи въ Моравію исполнено Кутузовымъ блестяще и покрыло славою русское оружіе; но вторая половина кампаніи, веденная въ соединеніи съ австрійцами, окончилась Аустерлицкимъ пораженіемъ; вина не наша, но Государь, самъ бывшій при арміи, остался недоволенъ Кутузовымъ за то, что онъ не отстоялъ своего взгляда (который оказался правильнымъ) на операциіи и на сраженіи и тѣмъ не предотвратилъ Аустерлицкой катастрофы. Этимъ объясняется, что Кутузовъ не принималъ участія въ слѣдующей войнѣ съ Наполеономъ (1806—1807 г.г.), въ шведской войнѣ 1808—1809 г.г. и въ первыхъ годахъ войны съ Турціей. Въ это время онъ занималъ должности сначала Кіевскаго, затѣмъ Виленскаго военнаго губернатора и лишь короткое время въ 1808 году былъ въ Валахії въ качествѣ помощника нашего престарѣлаго главнокомандующаго—князя Прозоровскаго.

Лишь въ апрѣлѣ 1811 года, когда, въ виду назрѣвавшей новой войны съ Наполеономъ, необходимо было скорѣе кончить затянувшуюся войну съ Турціей, туда главнокомандующимъ на смѣну Каменскаго былъ посланъ Кутузовъ. Онъ блестяще окончилъ кампанію въ ноябрѣ 1811 года и вступилъ въ мирные переговоры. За эту войну Кутузовъ былъ пожалованъ въ графы. Между тѣмъ переговоры съ турками затянулись; Государь былъ этимъ недоволенъ и на смѣну Кутузова послалъ адмирала Чичагова; однако къ пріѣзду его Кутузовъ успѣлъ уже заключить выгодный для насъ миръ.

Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ командованіе арміею Чичагову, и въ началѣ Отечественной войны оставался въ тѣни. Но Петербургское дворянство въ іюлѣ мѣсяцѣ единогласно избрало его начальникомъ Петербургскаго ополченія, и Кутузовъ ревностно занялся его организаціей и обученіемъ.

Государь, по возвращеніи изъ арміи въ Петербургъ (въ концѣ іюля), въ удовлетвореніе общественному мнѣнію, рѣшилъ назначить Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми нашими арміями и ополченіями, предварительно возведя его въ княжеское Россійской Имперіи достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго. Назначеніе его на эту должность состоялось 8 августа, а 17-го онъ уже прибылъ къ арміямъ въ Царевъ-Займище и вступилъ въ командованіе.

Всѣ ожидали, что съ прибытіемъ Кутузова насталъ конецъ нашему томительному отступленію. Онъ такъ и далъ понять въ день своего прибытія къ войскамъ, но вечеромъ того-же дня приказалъ продолжать отступленіе. Принять генеральный бой съ Наполеономъ онъ рѣшился у Бородина, въ 100 съ небольшимъ верстахъ впереди Москвы. Но затѣмъ продолжалъ отступать и имѣлъ рѣшимость пожертвовать Москвою, отдать непріятелю нашу первопрестольную столицу, но сохранить армію. Все это, какъ ни тяжело оно было для русскаго сердца, вполне соответствовало обстановкѣ и, какъ показали дальнѣйшія событія, было вполне цѣлесообразно. Дальнѣйшій образъ дѣйствій Кутузова—отступленіе на Рязанскую дорогу, переходъ съ нею на Калужскую, расположеніе въ Тарутинскомъ лагерѣ и временное бездѣйствіе въ немъ нашей арміи—опять-таки вполне цѣлесообразны: онъ подготовилъ гибель арміи Наполеона.

И въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Кутузова виденъ тотъ-же мудрый и твердый полководецъ своеобразной стратегіи, вытекавшей изъ свойствъ его характера. И этою именно стратегіей (этимъ образомъ веденія войны) онъ и достигъ двухъ цѣлей: доканаль армію Наполеона и, въ предѣлахъ возможнаго, сохранилъ нашу.

За Бородину Кутузовъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и получилъ 100.000 рублей, за Тарутино—золотую шпагу съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ; за побѣды подъ Краснымъ и вообще въ Смоленской губерніи—титулъ „Смоленскаго“; за окончательный результатъ Отечественной войны—орденъ св. Георгія 1-й степени. Государь все-же былъ не совсѣмъ доволенъ дѣйствіями Кутузова и хотя по прибытіи своемъ въ Вильну 11 декабря 1812 года въ присутствіи встрѣчавшихъ обнялъ фельдмаршала, но затѣмъ въ кабинетѣ наединѣ упрекалъ его въ недостаточной дѣятельности арміи при отступленіи Наполеона.

Нужно сказать, что Кутузовъ въ дѣйствіяхъ своихъ противъ арміи Наполеона держался особаго взгляда, который не раздѣлялся ни Государемъ,

ни многими изъ старшихъ генераловъ Кутузовской арміи. Взглядъ этотъ порожденъ отчасти осторожностью, отчасти желаніемъ сберечь нашу армію отъ напрасныхъ потерь. Онъ переоцѣнивалъ армію Наполеона въ положительную сторону, считалъ ее болѣе способною къ энергичнымъ отпорамъ (особенно въ присутствіи самого Наполеона), чѣмъ она въ дѣйствительности была. Отсюда его осторожность. Нѣкоторые бои были прямо вырваны у Кутузова подчиненными ему генералами; къ числу этихъ боевъ надо отнести Тарутинскій и Вяземскій. Затѣмъ онъ полагалъ, что нѣтъ надобности расходовать нашу армію на бои, т. к. и безъ нихъ армія Наполеона развалится сама собою отъ голода, холода, усталости, полнаго истощенія и упадка дисциплины.

Неудачнымъ моментомъ въ дѣйствіяхъ нашихъ армій при преслѣдованіи Наполеона является пропускъ его съ остатками, хотя и жалкими, за р. Березину. Вина въ этомъ падаетъ въ нѣкоторой степени и на Кутузова—въ рѣшительный моментъ переправы онъ находился въ 100 верстахъ отъ нея.

Не для критики это говорится, а въ объясненіе высказаннаго Государемъ неудовольствія Кутузову. Заслуги Кутузова въ Отечественную войну велики. Самъ Государь ихъ призналъ, какъ во время войны—пожалованіемъ ему вышеперечисленныхъ наградъ, такъ и погребеніемъ его въ Казанскомъ соборѣ и постановкою ему памятника передъ этимъ соборомъ.

По окончаніи Отечественной войны, Кутузовъ по повелѣнію Государя повелъ армію за границу и участвовалъ съ нею въ весенней кампаніи 1813 г. на германскомъ театрѣ войны. Государь находился самъ при арміи и проявлялъ большую предупредительность къ Кутузову, который сталъ болѣть и слабѣть. Съ 6 апрѣля, по прибытіи въ Бунслау (въ прусской Силезіи), онъ не могъ слѣдовать съ арміею дальше и остался здѣсь, а 16 апрѣля скончался. По поводу этой кончины Государь, въ рескриптѣ къ вдовѣ фельдмаршала, писалъ: „Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря. Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія“.

По повелѣнію Государя тѣло Кутузова было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Казанскомъ соборѣ, „украшенномъ его трофеями“, какъ сказано въ Высочайшей резолюціи Государя. Оно покоится у западной стѣны свѣрнаго придела храма; гробница обнесена бронзовой рѣшеткой съ гербомъ Кутузова; на стѣнѣ надъ рѣшеткою картина, изображающая подвигъ нижегородца Минина въ 1611 году.

Въ 1837 году по повелѣнію императора Николая I (по мысли Александра I) на Казанской площади, впереди Казанскаго собора, поставленъ памятникъ Кутузову со слѣдующею надписью: „Фельдмаршалу князю Кутузову Смоленскому. 1812“ *).

Король Пруссій въ 1815 году поставилъ Кутузову памятникъ въ Бунслау со слѣдующею надписью по нѣмецки и по русски: „До сихъ поръ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска, но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ Отечество свое и отверзъ путь къ освобожденію Европы. Да будетъ благословенна память героя“.

А. С. Пушкинъ въ 1831 году воспѣлъ Кутузова въ слѣдующемъ стихотвореніи подъ заглавіемъ „Къ тѣни полководца“:

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныхъ громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ.
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...
Внемли-жь и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвеніе
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись—и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ **).

Память о Кутузовѣ въ арміи увековѣчена присвоеніемъ его имени двумъ полкамъ, кои и называются такъ: 11-й пѣхотный Псковскій генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полкъ и 13-й Донской казачій генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полкъ.

*) Напомнимъ, что въ 1812 году Кутузовъ исполнилъ двѣ миссіи на пользу отечества: въ Турецкую войну и затѣмъ въ Отечественную.

Въ собственно-ручномъ рескриптѣ къ вдовѣ фельдмаршала Императоръ Александръ I писалъ, что „въ честь покойнаго воздвигнется памятникъ, при которомъ россиянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, а чужестранецъ уважать землю, порождающую столь великихъ мужей“.

**) Это стихотвореніе было написано во время усмиренія Польскаго возстанія 1830—1831 годовъ, когда политическій горизонтъ омрачался тучами, собиравшимися противъ насъ на западѣ Европы, по поводу чего А. С. Пушкинъ написалъ также въ 1831 году свое знаменитое стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“, начинающееся словами: „О чемъ шумите вы, народные витіи?“

N. 47

Портретъ Свѣтлѣйшаго
князя М. М. Толеницева Кутузова Смоленскаго

I. LAPINA ET C. IMP. ÉDIT. PARIS

Портретъ М. Б. Барклая-де-Толли.

Находится въ Военной галлерей Зимняго дворца.

Главкомандующій 1-й Западной арміи генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли, 52 лѣтъ отъ роду. Въ войнахъ 1813—1815 годовъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и получилъ княжеское достоинство.

До назначенія въ Отечественную войну главнокомандующимъ 1-й Западной арміи прошелъ блестящую военную карьеру, боевую и административную. Участвовалъ въ Екатерининскихъ войнахъ съ Турками, со Шведами и съ Поляками. Въ Польскую войну 1794 года получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени. Участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ 1806—1807 годовъ, получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. и Св. Владимира 2-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта; былъ тяжело раненъ. Участвовалъ въ войнѣ со Швеціей 1808—1809 годовъ, командуя отдѣльнымъ корпусомъ; въ 1809 году совершилъ знаменитый зимній переходъ черезъ Ботнический заливъ (черезъ Кваркенъ) и занялъ шведскій городъ Умео. Затѣмъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и главнокомандующимъ Финляндской арміи. Въ Январѣ 1810 года назначенъ военнымъ министромъ, а въ 1812 году—главнокомандующимъ 1-й Западной арміи, съ оставленіемъ въ должности военного министра. За время управленія военнымъ министерствомъ (1810—1812 годы) предпринялъ много преобразованій по военному вѣдомству и направлялъ подготовку къ войнѣ съ Наполеономъ; при немъ выработано и объявлено „Учрежденіе 1812 года объ управленіи большою дѣйствующею арміею“—замѣчательный актъ нашего военного законодательства.

Въ Отечественную войну, въ должности главнокомандующаго 1-й Западной арміи, на него выпала тяжелая доля: дѣйствуя противъ превосходнаго въ числѣ и искуснаго непріятеля, отступать въ цѣляхъ конечнаго успѣха войны, отдавая непріятелю русскіе земли и города, и твердо держаться этого образа дѣйствій, не взирая на его непопулярность въ арміи и въ обществѣ и неодобреніе его Государемъ. Барклай былъ твердъ, онъ не принесъ своей вѣрной идеи въ жертву дешевой популярности и угодливости, не растерялъ до времени ввѣренныхъ ему войскъ, сохранилъ ихъ въ цѣлости до того момента, когда назрѣла часть рѣшительной битвы, и искусно довелъ ихъ почти до мѣста этой битвы. Его твердости и искусству Россія обязана сохраненіемъ своихъ войскъ къ Бородинской битвѣ.

Отступление отъ Нѣмана къ Дрисскому укрѣпленному лагерю и оставленіе этого лагеря совершались не по волѣ Барклая; въ этихъ операціяхъ онъ былъ исполнителемъ велѣній Государя, находившагося до 6 іюля (до Полоцка) при 1-й арміи. Но дальнѣйшими операціями онъ руководилъ уже самостоятельно и, какъ военный министръ, давалъ директивы 2-й арміи. Отдачу Витебска и Смоленска Барклай долженъ былъ принять на свою личную отвѣтственность. За отдачу Смоленска Государь остался недоволенъ. Но еще ранѣе, а именно въ концѣ іюля, въ Петербургѣ рѣшался уже вопросъ о назначеніи общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго, что въ началѣ августа и разрѣшилось назначеніемъ князя Кутузова. Это было большимъ ударомъ для самолюбія Барклая. Но онъ твердо перенесъ его и въ Бородинскомъ сраженіи проявилъ большую распорядительность и презрѣніе опасности (говорятъ, что онъ даже искалъ смерти въ этомъ бою *). За Бородино Барклай получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени. Въ августѣ еще онъ былъ освобожденъ отъ обязанностей военного министра, а въ сентябрѣ испросилъ разрѣшеніе Государя, за болѣзнью (его мучила лихорадка, вѣроятно, въ соединеніи съ душевными волненіями), покинуть армію.

Изъ Тарутинскаго лагеря онъ уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и болѣе участія въ Отечественной войнѣ не принималъ. Изъ своего имѣнія онъ представилъ Государю письмо съ изложеніемъ и объясненіемъ своихъ

дѣйствій. Государь милостиво отвѣтилъ ему, высказавъ свои замѣчанія на дѣйствія Барклая, при чемъ особенное неодобреніе выразилъ за отдачу Смоленска безъ рѣшительнаго боя.

Послѣ Отечественной войны Барклай принималъ участіе въ войнахъ 1813, 1814 и 1815 годовъ, командуя сначала 3-ю русскою, а затѣмъ русско-прусскою арміями. Получилъ орденъ Св. Георгія 1-й степени, сначала графское, а затѣмъ княжеское достоинство и фельдмаршалскій жезлъ. Умеръ въ 1818 году и похороненъ въ своемъ имѣніи въ Лифляндіи.

По повелѣнію Императора Николая I (но еще по мысли Императора Александра I) въ 1837 году передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ Барклаю поставленъ памятникъ (наряду съ Кутузовымъ) со слѣдующею надписью: „Фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли. 1812, 1813, 1814 и 1815“.

Поэтъ В. А. Жуковскій, воспѣвая въ Тарутинскомъ лагерѣ въ стихотвореніи „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ героевъ прошедшаго періода Отечественной войны, совершенно умолчалъ о Барклаѣ. Это характерно: до того вождь этотъ былъ тогда непопуляренъ въ арміи и, очевидно, въ обществѣ. За то А. С. Пушкинъ въ 1835 году въ стихотвореніи „Полководецъ“ воздалъ Барклаю справедливую дань поэта. Стихотвореніе начинается строфой о Военной галлерей Зимняго дворца, гдѣ помѣщены портреты нашихъ генераловъ, участвовавшихъ въ Отечественной войнѣ (эта строфа приведена въ нашемъ предисловіи); затѣмъ поэтъ говоритъ:

„Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда останавлиюсь предъ нимъ и не свою
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Челю, какъ черепъ голый.
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая игла;
За нимъ военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою-ли точно мысль художникъ обнаружилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновеніе—
Но Доу далъ ему такое выраженіе.
О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чуждой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.....
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденіемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденіемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманнѣе глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрытъ одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ слышавши въпервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣнѣхъ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленіе!

Имя Барклая присвоено слѣдующему полку нашей арміи: 4-му гренадерскому Несвижскому генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полку.

*) Въ письмѣ къ Государю отъ 11 сентября онъ самъ писалъ, что жаркимъ его желаніемъ 26 августа (день Бородинскаго боя) было умереть въ бою.

N. 48

Портретъ М. Б. Бавкляя де Моли.

L. LAPINA & CO IMP. EDIT. PARIS.

Портретъ князя П. И. Багратіона.

Находится въ Музеѣ 1812 года.

Главномандующій 2-й западной арміи князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, генералъ отъ инфантеріи, 47 лѣтъ отъ роду, съ блестящею предшествующею боевою карьерою. Почти со дня производста въ офицеры участвовалъ въ походахъ противъ Чеченцевъ (1783, 84, 86 и 90 годы), при чемъ въ одномъ изъ боевъ былъ тяжело раненъ. Подъ начальствомъ Суворова участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова (1788 г.) и въ 1794 году въ войнѣ съ Польшей, въ которой обратилъ на себя особое вниманіе Суворова храбростію и распорядительностію. Въ 1799 году, въ чинѣ генералъ-маіора (34 лѣтъ), участвовалъ въ итальянскомъ и швейцарскомъ походахъ Суворова, проявляя тѣ-же блестящія боевыя качества, что и въ польской войнѣ. Неоцѣнимыя услуги оказалъ онъ нашей арміи въ войнѣ съ Наполеономъ на австрійскомъ театрѣ въ 1805 году, въ роли начальника арьергарда, когда наша армія, вслѣдствіе капитуляціи австрійской арміи подъ Ульмомъ, принуждена была отступать изъ Баваріи въ Моравію: память о славныхъ для насъ дѣлахъ при Ламбахѣ, Эмсѣ, Амштетенѣ и Шенграбенѣ (Голлабрунѣ) неразрывна съ именемъ Багратіона. Война 1805 года дала ему чинъ генералъ-лейтенанта (40 лѣтъ) и орденъ св. Георгія 2-й степени. Затѣмъ онъ участвовалъ въ войнахъ: 1806—1807 г.г. (съ Наполеономъ) и 1808—1809 г.г. (со Швеціей); въ послѣдней ему принадлежитъ занятіе Аландскихъ острововъ. Въ 1809 году былъ назначенъ главнокомандующимъ нашей арміи въ войнѣ съ Турціей и ознаменовалъ свою дѣятельность взятіемъ Мачина, Гирсова, Браилова и Измаила и разбитіемъ сараскира у Рассевата; но осада Силистріи не была успѣшна. Въ 1810 году сдалъ командованіе арміею графу Каменскому, получивъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ Отечественную войну, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи (47 лѣтъ), былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-й западной арміи.

Это былъ человѣкъ большой храбрости, военного порыва, рѣдкаго умѣнья руководить войсками въ бою, съ огромнымъ и славнымъ боевымъ опытомъ; на полѣ сраженія онъ былъ рѣдкихъ качествъ генералъ. Но стратегическія комбинаціи, требующія исключительной прозорливости, умѣряющей несвоевременные порывы, были не въ его натурѣ, что и породило не вполне гладкія отношенія его къ Барклаю-де-Толли послѣ соединенія нашихъ 1-й и 2-й армій въ Смоленскѣ.

Для достиженія этого соединенія армія Багратіона проявила чрезвычайную энергію, что составляетъ его большую заслугу. По совершившемся соединеніи обѣихъ армій, возникъ вопросъ объ объединеніи командованія ими. Барклай былъ моложе Багратіона по производству въ чинъ (хотя и старше годами и общей службой), но какъ военному министру ему принадлежало верховенство,

и Багратіонъ этому подчинился. Однако онъ не могъ оцѣнить того образа веденія войны, котораго Барклай считалъ нужнымъ держаться — отступленіе въ глубь страны въ виду превосходнаго въ числѣ и искусстваго непріятеля — и порицалъ Барклая на словахъ и въ письмахъ къ Аракчееву (близкому къ Государю), что конечно подрывало въ арміи вѣру въ Барклая и вредило довѣрію къ нему Государя. Такъ-же, впрочемъ, отнесся онъ и къ Кутузову, когда тотъ до Бородинѣ явился продолжателемъ образа дѣйствій Барклая.

Въ Бородинскомъ бою Багратіонъ проявилъ присущія ему рѣдкія качества и упорно оборонялъ ввѣренный ему участокъ позиціи, запечатлѣвъ здѣсь смертельною раною свое геройское руководство боемъ и передавъ свое имя тѣмъ укрѣпленіямъ, за обладаніе которыми онъ велъ горячій и упорный бой (Багратіоновы флеши).

Будучи раненъ въ Бородинскомъ бою (осколкомъ гранаты въ ногу съ поврежденіемъ кости), онъ принужденъ былъ покинуть армію и уѣхать къ себѣ въ имѣніе, во Владимірскую губернію, гдѣ онъ черезъ двѣ съ небольшимъ недѣли умеръ и погребенъ. За Бородинскій бой ему было пожаловано 50.000 рублей при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ Государя.

Прахъ Багратіона былъ въ 1839 году, по повелѣнію Императора Николая I, перевезенъ на Бородинское поле и положенъ у Бородинскаго памятника; надъ могилою его плита, отлитая изъ чугуна отбитыхъ нами непріятельскихъ орудій. Мысль объ этомъ была возбуждена Денисомъ Васильевичемъ Давыдовымъ, извѣстнымъ партизаномъ Отечественной войны, а до того сподвижникомъ Багратіона, его бывшимъ адъютантомъ. Въ виду постановки памятника на Бородинскомъ полѣ и предстоявшаго 26 августа 1839 года торжественнаго открытія его, Давыдовъ, тогда генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, въ началѣ 1839 года подалъ Императору Николаю I докладную записку, въ которой просилъ перенести прахъ Багратіона на Бородинское поле или въ Александроневскую лавру для упокоенія рядомъ съ Суворовымъ; въ первомъ случаѣ, по выраженію Давыдова, великая жертва сочеталась бы съ великимъ событіемъ; во второмъ — знаменитый питомецъ легъ бы возлѣ великаго своего наставника. Государь, одобливъ эту мысль, приказалъ перенести прахъ Багратіона на Бородинское поле, ко дню открытія тамъ Бородинскаго памятника, при чемъ повелѣлъ Давыдову сопровождать гробъ Багратіона изъ Владимірской губерніи въ Бородину. Но Давыдовъ не дожидъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до этого торжества — онъ умеръ въ апрѣлѣ 1839 года.

Имя Багратіона присвоено слѣдующему полку русской арміи: 104 пѣхотному Устюжскому генерала князя Багратіона полку.

№ 49

Портретъ князя М. С. Барятіона.

L. LAPINA ET C. IMP. EDIT. PARIS

Портреты выдающихся дѣятелей Отечественной войны: Раевскій, Милорадовичъ, Дохтуровъ, Коновницынъ.

Находятся въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Раевскій, 41 года отъ роду. Это одинъ изъ самыхъ популярныхъ героевъ Отечеств. войны. Въ эту войну онъ командовалъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, входившимъ въ составъ арміи Баграціона, съ которымъ онъ былъ связанъ узами дружбы со времени общаго ихъ участія въ войнѣ 1806—1807 годовъ.

Въ самомъ началѣ войны, за дѣло при Салтановкѣ (11 іюля), имя его прогремѣло и стало популярнымъ въ арміи; въ этомъ дѣлѣ онъ, геройскимъ самоотверженіемъ и рискомъ потерять двухъ своихъ сыновей, далъ войскамъ своего корпуса примѣръ доблестнаго поведенія при атакѣ непріятеля (см. 4 страницу нашего „Очерка войны“; тамъ портретъ Раевского съ виньеткою внизу, напоминающею объ этомъ подвигѣ).

Когда 2 августа отрядъ Невѣровскаго былъ атакованъ превосходными непріятельскими силами, а общіе наши арміи находились къ сѣверу отъ Смоленска, Раевскій оттуда полетѣлъ на выручку Невѣровскаго, соединился съ нимъ 3 августа и, отступя къ Смоленску, выдержалъ въ немъ бой 4 августа съ превосходными непріятельскими силами.

Въ сраженіи при Бородинѣ бился въ центрѣ нашей позиціи, обороняя центральный редутъ, который и получилъ его имя—„батареи Раевского“. Это пунктъ, который упорно удерживался нами почти до конца Бородинскаго сраженія. Затѣмъ принималъ славное участіе въ бояхъ подъ Мало-Ярославцемъ и подъ Краснымъ (ноябрскіе бои). За Мало-Ярославецъ получилъ орденъ св. Георгія 3 степени.

Участвовалъ со славою и въ послѣдующихъ войнахъ противъ Наполеона. Въ войну 1814 года получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Умеръ въ 1839 году, генераломъ отъ кавалеріи и членомъ государственнаго совѣта.

Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, 41 года отъ роду. Передъ Отечеств. войной имѣлъ уже блестящее боевое прошлое. 28-ми лѣтъ, въ чинѣ генералъ-маіора, участвовалъ въ итальянской и швейцарской кампаніяхъ Суворова, который возлагалъ на него самыя рискованныя порученія. Затѣмъ принималъ участіе въ войнѣ 1805 года противъ Наполеона въ арміи Кутузова и за отличія произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Послѣ того участвовалъ въ войнѣ противъ Турокъ и въ 1809 году произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, имѣя всего 38 лѣтъ отъ роду. Въ началѣ Отечеств. войны формировалъ запасныя войска въ Калугѣ и въ серединѣ августа привелъ ихъ въ Гжатскъ на усиленіе нашихъ отступавшихъ армій. Затѣмъ принималъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, командуя правымъ крыломъ. Послѣ того былъ начальникомъ арьергарда нашихъ армій при отступленіи къ Москвѣ и далѣе при переходѣ ихъ съ Рязанской на Калужскую дорогу, а потомъ безсмѣннымъ начальникомъ ихъ авангарда при преслѣдованіи Наполеона до Березины. Великую услугу оказалъ онъ умѣлыми своими дѣйствіями, прикрывая отступленіе нашей арміи черезъ Москву. Во время боя подъ Мало-Ярославцемъ форсированнымъ маршемъ подвелъ свои войска къ полю сраженія, сдѣлавъ переходъ въ 50 верстъ. Билъ непріятельскія войска въ сраженіяхъ подъ Вязмою и Краснымъ.

„Прекрасный собою, одѣтый въ бояхъ и на бивакахъ, какъ на парадѣ — шеголемъ, во всѣхъ орденахъ, съ высокимъ перомъ на шляпѣ, иногда обвязанный богатою шалью, онъ являлся на борзомъ конѣ вездѣ, гдѣ могъ встрѣтить лицомъ къ лицу опасность. Всегда веселый, неутомимый въ военное время, первый въ огнѣ, послѣдній на отдыхѣ, онъ внушалъ подчиненнымъ ему войскамъ свою отвагу. Чѣмъ тягостнѣе становились обстоятельства, тѣмъ болѣе обнаруживалась его обычная живость, тѣмъ болѣе выказывалось умѣнье его говорить съ обожавшими его русскими солдатами. Во все продолженіе своего боевого поприща онъ ни разу не былъ раненъ, несмотря на то, что, по выраженію Ермолова, кто находился при Милорадовичѣ, тому нужно

было имѣть двѣ жизни — одну свою, а другую запасную“. — Такъ характеризуетъ Милорадовича нашъ военный историкъ (М. Богдановичъ).

Воинъ необычайной храбрости, Милорадовичъ получилъ названіе русскаго Баярда.

Онъ принималъ участіе и въ послѣдующихъ войнахъ противъ Наполеона. Получилъ ордена Георгія 2-й ст., Александра Невскаго съ алмазами и Андрея Первозваннаго, а также золотую шпагу съ алмазами и графское достоинство.

Убитъ 14 декабря 1825 года на посту С.-Петербургскаго генералъ-губернатора.

Генералъ отъ инфантеріи Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ, 66 лѣтъ. Одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей Отечественной войны, несмотря на свои немолодые годы. Его боевая репутація прочно составила уже въ предшествующія войны съ Наполеономъ 1805 и 1806—1807 годовъ (особенно геройски онъ держался въ Аустерлицкомъ сраженіи); за эти войны онъ уже имѣлъ ордена Георгія 3-й степ. и Александра Невскаго. Въ Отеч. войну командовалъ 6-мъ пѣх. корпусомъ, входившимъ въ составъ 1-й арміи. Въ самомъ началѣ войны непріятель чуть было не отрѣзалъ этого корпуса отъ 1-й арміи, растянутой по границѣ; но усиленными маршами (переходы до 60 верстъ) Дохтурову удалось соединиться со своею арміею. Славно участіе его въ оборонѣ Смоленска 5 августа; Дохтуровъ былъ въ этотъ день совершенно больной, но не хотѣлъ сдавать командованія корпусомъ и энергично велъ оборону Смоленска, бомбардируемаго и штурмуемаго превосходными непріятельскими силами. Государь пожаловалъ ему за это дѣло 25.000 рублей. Въ Бородинскомъ сраженіи Дохтуровъ командовалъ центромъ нашего боевого расположенія, а по выbytіи Баграціона изъ строя принялъ командованіе лѣвымъ крыломъ и 2-ю арміею (до его прибытія на этотъ участокъ позиціи здѣсь командовалъ Коновницынъ, принявшій команду отъ раненаго Баграціона). Дохтурову мы обязаны (по совѣту бывшаго при немъ тогда Ермолова) своевременнымъ предупрежденіемъ Наполеона у Мало-Ярославца; онъ-же былъ и главнымъ руководителемъ этого боя, имѣющаго огромное значеніе въ ходѣ Отечественной войны. За этотъ бой онъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени.

Дохтуровъ участвовалъ и въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ. Умеръ въ 1816 году.

Генералъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, 46 лѣтъ. За польскую войну 1794 года имѣлъ уже Георгія 4-й ст. Но въ 1798 году былъ отставленъ отъ службы. Въ 1806 году вновь принятъ на службу и участвовалъ въ войнѣ 1806—1807 г.г. противъ Наполеона, а затѣмъ въ шведской войнѣ 1808 года, въ которой участіе его было особенно славно и онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Отечественную войну началъ въ должности начальника 3-й пѣхотной дивизіи; видное участіе принималъ въ сраженіяхъ: при Островно 13 іюля (впередѣ Витебска), Смоленскѣ 5 августа, Валутиной горѣ 7 августа и Бородинѣ (временно принялъ команду отъ раненаго Баграціона). Въ началѣ сентября 1812 года назначенъ дежурнымъ генераломъ при главнокомандующемъ князѣ Кутузовѣ и сталъ его правою рукою по части устройства арміи и руководства партизанскими дѣйствіями. Однако это не лишило его возможности лично участвовать въ бояхъ; особенно видное участіе принималъ онъ въ сраженіи при Мало-Ярославцѣ. За войну 1812 года получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени.

Участвовалъ и въ послѣдующихъ войнахъ противъ Наполеона, когда и состоялось назначеніе его генералъ-адъютантомъ, а въ концѣ 1815 г. — военнымъ министромъ. Въ 1817 году произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Въ должности военнаго министра оставался до 1819 года, когда былъ назначенъ директоромъ военно-учебныхъ заведеній и Императорскаго Царскосельскаго лицея; тогда-же возведенъ въ графское достоинство. Умеръ въ 1822 году.

Н. Н. Раевскій I

Графъ М. А. Милорадовичъ

Д. С. Доктуровъ

П. П. Коновницынъ

Картина № 51.

Кисти художника ДОУ.

Портреты выдающихся дѣятелей Отечественной войны: Тучковы—1-й, 3-й и 4-й и Остерманъ-Толстой.

Находятся въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Тучковы — Николай, Павелъ и Александръ Алексѣевичи — три родныхъ брата, всѣ въ генеральскихъ чинахъ, принимали видное участіе въ Отеч. войнѣ; изъ нихъ двое убиты въ Бородинскомъ бою, а одинъ, израненный штыками въ Лубинскомъ бою, попалъ въ плѣнъ къ непріятелю. Вотъ главныя біографическія свѣдѣнія о нихъ.

Генераль-лейтенантъ Николай Алексѣевичъ Тучковъ 1-й, 50 лѣтъ отъ роду. До Отеч. войны имѣлъ уже Георгія 3-й ст. и славное боевое прошлое; особенно отличился въ 1799 году (пробился изъ окруженнаго непріателемъ корпуса Римскаго-Корсакова къ Суворову), дѣятельное и видное участіе принималъ въ войнахъ 1806—1807 г.г. противъ Наполеона и въ 1808 году противъ Шведовъ; за Прейсишъ-Эйлау получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. Въ Отеч. войну командовалъ 3-мъ пѣхот. корпусомъ, съ самаго начала войны до Бородинскаго сраженія, въ которомъ смертельно раненъ. Корпусъ его въ этомъ бою былъ сначала назначенъ въ резервъ, но затѣмъ передвинутъ на лѣвый флангъ для противодѣйствія непріятельскому корпусу Понятовскаго. Предводительствуя своимъ корпусомъ въ контръ-атакѣ на Понятовскаго, Тучковъ 1-й получилъ смертельную рану и палъ на полѣ сраженія.

Генераль-маіоръ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ 3-й, 36 лѣтъ. Уже 27 лѣтъ отъ роду онъ былъ генераль-маіоромъ. Участвовалъ въ войнѣ со Шведами 1808 года; между прочимъ ему приписываютъ спасеніе нашего главнокомандующаго, генерала Буксгевдена, отъ захвата въ плѣнъ Шведами при неожиданной высадкѣ ихъ на островъ Кимито. Въ Отеч. войну командовалъ 1-ю бригадою 17 пѣх. дивизіи. Герой боя при Валутиной горѣ (онъ-же бой при Лубинѣ); его инициативѣ и рѣшительности мы обязаны тѣмъ, что непріятелю не удалось врѣзаться клиномъ между нашими арміями (1-ю и 2-ю) на дорогѣ изъ Смоленска въ Москву и разобщить ихъ (см. описаніе этого боя въ нашемъ „Очеркѣ войны“ стр. 8—9 и объясненіе къ картинѣ № 7). Тяжело раненый въ этомъ бою, Тучковъ 3-й попалъ въ плѣнъ къ непріятелю. Наполеонъ былъ къ нему очень внимателенъ и вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду (все это у насъ рассказано). Плѣннымъ онъ былъ отправленъ во Францію, гдѣ и оставался до взятія нами Парижа въ 1814 году. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи, но за болѣзнь принужденъ былъ выйти въ отставку

въ 1818 году. Императоръ Николай I въ 1826 году вызвалъ его на службу по гражданской части, на которой онъ достигъ чина дѣйств. тайнаго совѣтника, должности члена государств. совѣта и ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Генераль-маіоръ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 4-й, 35 лѣтъ. Въ войнѣ 1806—1807 г.г. противъ Наполеона заслужилъ орденъ Георгія 4-й ст. Затѣмъ участвовалъ въ Шведской войнѣ 1808 года. Въ Отеч. войну командовалъ бригадой 3-й пѣх. дивизіи, съ которой участвовалъ въ сраженіи при Островно, подъ Смоленскомъ, при Лубинѣ и Бородинскомъ, въ которомъ былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 3-я пѣх. дивизія была выслана изъ резерва на подкрѣпленіе къ Багратионовымъ флешамъ; здѣсь шелъ смертный бой; полки дивизіи съ крикомъ „ура“ бросились на непріятеля; увидя, что одинъ изъ его полковъ дрогнулъ, осыпанный ядрами и картечью, Тучковъ 4-й схватилъ знамя, кинулся впередъ и былъ убитъ. На мѣстѣ его геройской смерти нынѣ находится женскій монастырь, основанный его вдовою (см. объясненіе къ картинѣ № 14).

Генераль-лейтенантъ графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой, 42 лѣтъ. Участвовалъ во многихъ войнахъ Екатерининскаго времени и въ 28 лѣтъ былъ уже генераль-маіоромъ. Отличною храбростью и распорядительностью заслужилъ въ войну 1806—1807 г. орденъ Св. Георгія 3-й ст. и золотую шпагу съ надписью „за храбрость“; былъ раненъ. Въ Отеч. войну командовалъ 4-мъ пѣхотн. корпусомъ. Замѣчательно руководство его боемъ при Островно (13 іюля); это было кровопролитное дѣло, въ которомъ его корпусъ въ теченіе цѣлаго дня сражался съ значительно превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и не уступилъ ему своей позиціи. Когда ему доложили, что наша артиллерія несетъ страшныя потери, и спросили „что дѣлать“, онъ отвѣтилъ: „Ничего не дѣлать, стоять и умирать“. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, въ которомъ получилъ сильную контузію, но черезъ нѣсколько дней принялъ уже участіе въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, а затѣмъ участвовалъ во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ нашей арміи въ Отечественную войну.

Въ войнѣ 1813 г. заслужилъ орденъ Св. Георгія 2-й ст. и потерялъ руку, оторванную непріятельскимъ ядромъ; онъ былъ героемъ Кульмскаго сраженія этой войны. Въ 1817 году произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Умеръ въ 1857 году.

Н. А. Мухиковъ I

Н. А. Мухиковъ III

*Графъ
А. У. Остерманъ Толстой*

А. А. Мухиковъ IV

Картина № 52.

Кисти художника ДОУ.

Портреты выдающихся дѣятелей Отечественной войны:

Невѣровскій, Дороховъ, Лихачевъ, Орловъ-Денисовъ.

Находятся въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Генералъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Невѣровскій, 41 года. До Отеч. войны участвовалъ въ Турецкихъ и Польскихъ войнахъ Екатерининскаго времени. Передъ Отеч. войною, будучи въ чинѣ генералъ-маіора, получилъ порученіе сформировать новую 27-ю пѣх. дивизію; по сформированіи повелѣе ее на присоединеніе ко 2-й арміи, что и исполнилъ въ концѣ іюня, когда армія эта отступала изъ Гродненской въ Минскую губернію. Вскорѣ молодая дивизія и ея начальникъ получили громкую извѣстность по геройскому дѣлу подъ Краснымъ 2 августа 1812 г. (см. картину № 5 „Подвигъ Невѣровскаго“ и объясненіе къ ней). Затѣмъ Невѣровскій со своею дивизіею принималъ участіе въ бою подъ Смоленскомъ 4 августа и отбилъ атаку Понятовскаго. 24 августа участвовалъ въ бою у Шевардина. Въ Бородинскомъ сраженіи (26 авг.) онъ со своею дивизіею бился на лѣвомъ крылѣ (у Багратионовыхъ флешей); здѣсь дивизія его потеряла двѣ трети своего состава, и самъ Невѣровскій получилъ тяжелую контузію. За Бородинское сраженіе онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Участвуя въ войнѣ 1813 года, въ послѣдній день Лейпцигскаго сраженія онъ былъ тяжело раненъ и черезъ нѣсколько дней умеръ, не успѣвъ получить присланнаго наканунѣ ордена Св. Георгія 3-й ст. Похороненъ въ г. Галле, въ Германіи. Возбужденъ вопросъ о перенесеніи его праха въ Россію.

Генералъ-маіоръ Иванъ Семеновичъ Дороховъ, 50 лѣтъ. Участвовалъ въ Турецкихъ и Польскихъ войнахъ Екатерининскаго времени; оказалъ особые отличія въ войну съ Поляками 1794 г.; получилъ два чина за боевые отличія. Въ войнѣ 1806—1807 г.г. получилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени. Въ началѣ Отеч. войны командовалъ бригадой. Будучи въ составѣ 1-й арміи, оказался въ самомъ началѣ войны отрѣзаннымъ отъ нея и почти окруженнымъ непріятелемъ, но сумѣлъ выбраться (ловкостью и рѣшительностью), присоединился ко 2-й арміи и затѣмъ прикрывалъ съ сѣвера ея отступление. Участвовалъ въ Смоленскихъ бояхъ, 7 августа былъ раненъ, но остался въ строю. За Бородинскій бой произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Особенно видная и славная дѣятельность Дорохова началась послѣ занятія непріятелемъ Москвы; она заключалась въ смѣлыхъ набѣгахъ крупными отрядами на сообщенія непріятеля. Первый такой набѣгъ былъ сдѣланъ къ с. Перхушкову на Смоленской дорогѣ и увѣнчался блестящимъ результатомъ (см. стр. 20 „Очерка войны“). Это было въ десятыхъ числахъ сентября, а въ послѣднихъ числахъ того-же мѣсяца Дороховъ сдѣлалъ набѣгъ на укрѣпленный непріятелемъ пунктъ близъ Смоленской дороги, а именно на городъ Верею (см. карту № 5).

Непріятель обнесъ этотъ городъ высокимъ землянымъ валомъ съ палисадомъ и занялъ его цѣлымъ батальономъ, съ цѣлью сдѣлать его опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ съ нападеніями нашихъ партизановъ на свои сообщенія. Дороховъ 29 сентября на разсвѣтѣ появился передъ Вереєю совершенно неожиданно и безъ выстрѣла повелѣе своихъ солдатъ на приступъ. Гарнизонъ, застигнутый врасплохъ, кинулся къ оружію уже тогда, когда наши солдаты ворвались въ городъ, но защищался упорно; часть его была перебита, а прочіе положили оружіе; Дороховъ взялъ въ плѣнъ 15 офицеровъ (съ командиромъ батальона) и болѣе 350 ниж. чиновъ со знаменемъ. Едва онъ овладѣлъ городомъ, какъ къ послѣднему подошелъ сильный непріятельскій отрядъ на подкрѣпленіе, но узнавъ, что городъ уже взятъ Дороховымъ, отступилъ. Нѣсколько сотъ вооруженныхъ крестьянъ, подъ начальствомъ священника городского собора г. Вереи, Іоанна Скабѣева, узнавъ

объ отнятіи этого города у непріятеля, явились къ Дорохову и разрыли сооруженныя непріятелемъ укрѣпленія. Раздавъ жителямъ 500 захваченныхъ ружей, Дороховъ ушелъ въ указанный ему главнокомандующимъ другой пунктъ. За это дѣло ему пожалована сабля съ алмазами и надписью: „За освобожденіе Вереи“.

Послѣ того Дороховъ продолжалъ свои дѣйствія на сообщенія Наполеона до выхода его изъ Москвы и первый узналъ и донесъ о появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ на новой Калужской дорогѣ, что и вызвало высылку туда (къ Фоминскому) корпуса Дохтурова. Въ сраженіи подъ Мало-Ярославцемъ Дороховъ былъ тяжело раненъ и принужденъ оставить армію. Послѣ того онъ проболѣлъ болѣе двухъ лѣтъ и умеръ въ 1815 году. Чувствуя приближеніе смерти, онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ онъ обратился къ жителямъ Вереи со слѣдующими словами: „Если вы слышали о генералѣ Дороховѣ, который освободилъ вашъ городъ отъ враговъ отечества нашего, то я ожидаю отъ васъ за сіе, въ воздаяніе, дать мнѣ три аршина земли для вѣчнаго моего успокоенія при той церкви, гдѣ я взялъ приступомъ укрѣпленіе непріятеля“. Желаніе его исполнено и онъ похороненъ въ г. Вереѣ.

Генералъ-маіоръ Петръ Гавриловичъ Лихачевъ, 53 лѣтъ. Участвовалъ въ Кавказскихъ войнахъ Екатерининскаго времени, гдѣ провелъ 15 лѣтъ и заслужилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени. Въ Отеч. войну командовалъ 24 пѣх. дивизіею. Геройски велъ ее въ Смоленскомъ бою 5 августа и въ Бородинскомъ сраженіи 26 августа. Въ послѣднемъ его дивизія послѣ полудня смѣнила утомленную войска, защищавшія центральный редутъ (батарею Раевского). Будучи боленъ, онъ сидѣлъ на походномъ стулѣ въ переднемъ углу редута, подъ градомъ пуль, ядеръ и гранатъ, и ободрялъ своихъ молодцовъ. „Смѣлѣй ребята!“ говорилъ онъ. „Помните—мы деремся за Москву.“ Въ критическую минуту, онъ во главѣ своихъ солдатъ бросился въ атаку, прямо на непріятельскіе штыки. Раненый, онъ не былъ убитъ только потому, что непріятельскіе солдаты узнали въ немъ русскаго генерала. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, и вице-король италіанскій Евгений Богарне представилъ его Наполеону. Наполеонъ обошелся съ нимъ очень ласково и предложилъ возвратитъ ему оружіе, несмотря на плѣнъ; но Лихачевъ отказался. Отправленный въ качествѣ плѣннаго во Францію, онъ умеръ въ пути (въ Кенигсбергѣ).

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, 37 лѣтъ. Участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона 1806—1807 годовъ и заслужилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст., а затѣмъ въ Шведской войнѣ 1808 года. Въ Отеч. войну видное участіе принималъ въ сраженіяхъ при Валутиной (7 августа) и особенно при Тарутинѣ (6 октября, см. картину № 28 и объясненіе къ ней), въ которомъ захватилъ 38 непріятельскихъ орудій, штандартъ и 1500 плѣнныхъ, за что и награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й ст. Участвовалъ въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ; прославился знаменитой атакой лейбъ-казаковъ во флангъ многочисленной кавалеріи Мюрата въ Лейпцигскомъ сраженіи (4 окт. 1813 г.). Умеръ въ 1844 году въ чинѣ генерала отъ кавалеріи *).

Его имя присвоено одному полку русской арміи, который называется 9-мъ Донскимъ Казачьимъ генер.-адъютанта графа Орлова-Денисова полкомъ.

*) Прахъ его въ 1911 году перевезенъ въ Новочеркасскъ.

П. Т. Лихачевъ 1

Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ

Д. Н. Кебровскій

У. С. Дороховъ

Картина № 53.

Кисти художника ДОУ.

Портреты выдающихся дѣятелей Отечественной войны: Воронцовъ, Костенецкій, Багговутъ, Платовъ.

Находятся въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Генералъ-маіоръ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, 30 лѣтъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь. Передъ Отеч. войной прошелъ продолжительную боевую школу (почти непрерывную съ 20 лѣтъ) на Кавказѣ, въ Наполеоновскихъ войнахъ 1805, 1806—1807 г.г. и въ Турціи; заслужилъ ордена Св. Георгія 4-й и 3-й степ. Въ Отеч. войну командовалъ сводною гренадерскою дивизіею (входила въ 8-й пѣх. корпусъ, находившійся въ составѣ 2-й арміи). Особенно видное участіе принялъ въ Бородинскомъ сраженіи. Здѣсь дивизія его билась на лѣвомъ крылѣ у Багратионовыхъ флешей и была почти вся уничтожена; осталось въ строю всего 3 офицера и 300 нижнихъ чиновъ, самъ Воронцовъ былъ раненъ (см. картину № 10 и поясненіе къ ней). Отправляясь для излеченія раны въ свое имѣніе, онъ пригласилъ туда же около 50 раненыхъ генераловъ и офицеровъ и около 300 нижнихъ чиновъ, которые нашли тамъ заботливый уходъ.

Дальнѣйшая карьера М. С. Воронцова полна изумительной плодотворной дѣятельности на разныхъ отрасляхъ государственнаго служенія при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I: военной, административной и дипломатической. Его имя неразрывно со всѣми войнами этихъ царствованій и съ устроеніемъ Новороссіи, Крыма и Кавказа. Онъ умеръ въ 1856 году.

Имя его присвоено одному полку нашей арміи, который называется 79-мъ пѣх. Куринскимъ генералъ-фельдмаршала князя Воронцова полкомъ.

Генералъ-лейтенантъ Василій Григорьевичъ Костенецкій, 43 лѣтъ. Боевой артиллерійскій генералъ. Участвовалъ въ Турецкихъ войнахъ Екатерининскаго времени, въ войнахъ 1805 и 1806—1807 годовъ противъ Наполеона и въ Шведской 1808 года. Особенно отличился въ сраженіи подъ Аустерлицемъ и получилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст. Отечественную войну началъ въ должности начальника артиллеріи 6 пѣх. корпуса и оказалъ особые отличія въ сраженіяхъ Смоленскомъ 5 августа и Бородинскомъ. Въ послѣднемъ ему пришлось лично отбиваться банникомъ отъ непріятельскихъ атакъ. Польскіе уланы атаковали батарею 6-го корпуса, при которой находился Костенецкій; одаренный необыкновенной силой, онъ схватилъ банникъ, свалилъ имъ съ лошадей нѣсколько уланъ и, съ помощью своихъ артиллеристовъ, отбилъ атаку. За Бородинское сраженіе онъ получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. Удача этого рукопашнаго боя подала Костенецкому мысль предложить впослѣдствіи введеніе въ артиллерію желѣзныхъ банниковъ, на что Императоръ Александръ I отвѣтилъ: „Желѣзные банники у

меня могутъ быть, но откуда взять Костенецкихъ, чтобы владѣть ими?“ Послѣ Бородинскаго сраженія Костенецкій былъ назначенъ (временно) начальникомъ артиллеріи обѣихъ армій, и его стараніями она быстро оправилась отъ понесенныхъ въ этомъ сраженіи потерь. Участвовалъ въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ. Умеръ въ 1831 году отъ холеры.

Генералъ-лейтенантъ Карлъ Ѳеодоровичъ Багговутъ, 51 года. Принималъ участіе въ Турецкихъ войнахъ Екатерининскаго времени и весьма видное въ Польской войнѣ 1794 года. Въ 1800 году, уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ отставленъ отъ службы, но съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I снова принятъ на службу. Выдающееся участіе принималъ въ войнѣ 1806—1807 годовъ противъ Наполеона, заслуживъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. и чинъ генералъ-лейтенанта. Затѣмъ видное участіе принималъ въ войнѣ 1808 года со Шведами. Въ Отечеств. войну командовалъ 2-мъ пѣх. корпусомъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ: Смоленскомъ 5 августа, подъ Геодоновымъ 7 авг. и Бородинскомъ, за которое награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Въ Тарутинскомъ сраженіи 6 октября убитъ непріятельскимъ ядромъ.

Генералъ отъ кавалеріи Матвѣй Ивановичъ Платовъ, атаманъ Донскихъ казаковъ, 61 года. Поступилъ на службу 13 лѣтъ, а 20 лѣтъ командовалъ уже казачьимъ полкомъ въ Турецкую войну (1774 г.). Передъ Отеч. войной былъ уже атаманомъ Донскихъ казаковъ, генераломъ отъ кавалеріи и имѣлъ ордена Св. Георгія 3-й и 2-й степеней. Въ Отеч. войну командовалъ всѣми казачьими войсками. Первое блестящее дѣло казаковъ Платова было подъ Миромъ 27 и 28 іюня 1812 г. (см. картину № 3 и объясненіе къ ней). Особенно выдающаяся дѣятельность его началась при преслѣдованіи арміи Наполеона во время отступленія ея отъ Мало-Ярославца на Смоленскъ и далѣе къ Березинѣ, затѣмъ къ Нѣману. Особенно тяжкія пораженія Платовъ нанесъ непріятелю въ Смоленской губерніи (на р. Воль корпусу вице-короля и у Дубровны на р. Днѣпрѣ остаткамъ корпуса Нея), за что возведенъ въ графское достоинство. При преслѣдованіи непріятеля казаками Платова въ Отеч. войну ранено и убито болѣе 18.000 человекъ и взято въ плѣнъ около 40.000 чел. (въ томъ числѣ 10 генераловъ и болѣе 1000 офицеровъ), 15 знаменъ и 364 орудія. Участвовалъ и въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ. Имя его приобрѣло огромную популярность во всей Европѣ. Умеръ въ 1818 году. Въ Новочеркасскѣ ему поставленъ памятникъ.

Имя его присвоено одному казачьему полку, который называется 4-мъ Донскимъ Казачьимъ графа Платова полкомъ.

Графъ М. С. Воронцовъ

В. Т. Костенецкій

К. Ф. фонъ Боловуть

Графъ М. У. Платовъ

Картина № 54.

Кисти художника ДОУ.

Портреты выдающихся деятелей Отечественной войны:

Кайсаровъ, Сеславинъ, Кутайсовъ, Денисъ Давыдовъ.

Находятся въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Генераль-маіоръ Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ, 29 лѣтъ отъ роду. Былъ адъютантомъ Кутузова въ войну 1805 г. съ Наполеономъ и въ Турецкую войну 1808—1812 г., а затѣмъ въ ту-же войну правителемъ канцеляріи главнокомандующаго и секретаремъ мирнаго конгресса въ Бухарестѣ. Въ Отечественную войну прибылъ съ Кутузовымъ къ арміи въ чинѣ полковника и былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при немъ; вскорѣ былъ произведенъ въ генераль-маіоры. Участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и въ военномъ совѣтѣ въ Филыхъ. Когда началось преслѣдованіе арміи Наполеона послѣ сраженія у Мало-Ярославца, Кайсаровъ получилъ начальство надъ передовыми частями Платова и причинилъ непріятелю много вреда. По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи возвратился къ своему прежнему мѣсту при Кутузовѣ, при которомъ и оставался до его смерти.

Послѣ командовалъ летучимъ партизанскимъ отрядомъ въ 1813 и 1814 годахъ. Въ 1813 году получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ занималъ должности строевья и въ генеральномъ штабѣ. Достигъ должности корпуснаго командира и чина генерала отъ инфантеріи. Умеръ въ 1833 году.

Капитанъ Александръ Никитичъ Сеславинъ, 32 лѣтъ. Одинъ изъ славныхъ партизановъ Отеч. войны и послѣдующихъ Наполеоновскихъ войнъ. До того участвовалъ въ войнахъ 1805 и 1806—1807 годовъ; былъ раненъ и заслужилъ золотое оружіе съ надписью „За храбрость“. Затѣмъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ и снова былъ раненъ. Въ Отечеств. войну былъ сначала адъютантомъ главнокомандующаго 1-й арміи, Барклая-де-Толли; за Бородинское сраженіе получилъ Георгія 4-й ст. Съ открытіемъ партизанскихъ дѣйствій сталъ однимъ изъ самыхъ славныхъ партизановъ. Особенно важнымъ по своимъ результатамъ случаемъ его дѣятельности было своевременное открытіе движенія арміи Наполеона на Мало-Ярославецъ. Когда Наполеонъ выходилъ со своей арміею изъ Москвы, Сеславинъ рыскалъ со своимъ партизанскимъ отрядомъ по Калужской дорогѣ. Выслѣдивъ движеніе крупныхъ непріятельскихъ силъ, онъ у с. Фоминскаго забрался на дерево и, незамѣченный, наблюдалъ прохождение арміи Наполеона, при чемъ видѣлъ и самого Наполеона, проѣзжавшаго въ каретѣ. Пропустивъ ихъ, онъ изъ числа отставшихъ захватилъ нѣсколько плѣнныхъ и отъ нихъ узналъ, что вся непріятельская армія направляется черезъ Мало-Ярославецъ къ Калугѣ. Съ этимъ извѣстіемъ онъ немедленно поскакалъ въ Тарутино съ докладомъ къ главнокомандующему, но на пути встрѣтилъ корпусъ Дохтурова, двигавшійся къ Фоминскому, и доложилъ ему о видѣнномъ. Докладъ этотъ побудилъ Дохтурова (по совѣту Ермолова) повернуть къ Мало-Ярославцу и преградить тамъ непріятелю путь къ Калугѣ, что и было исполнено и имѣло огромное значеніе для дальнѣйшаго хода войны.

При преслѣдованіи арміи Наполеона отъ Мало-Ярославца къ Смоленску и далѣе къ Березинѣ, а затѣмъ къ Нѣману, отрядъ партизана Сеславина неотступно висѣлъ на флангѣ непріятеля, временами обгоняя его, доставлялъ главнокомандующему цѣнныя свѣдѣнія, освобождалъ города, находившіеся въ сторонѣ отъ пути движенія нашей арміи, отъ непріятельскихъ гарнизоновъ, устанавливалъ связь съ отдѣльно дѣйствовавшими корпусомъ Витгенштейна и арміею Чичагова и проч.

28 Октября Сеславинъ, совмѣстно съ партизанами Давыдовымъ и Фигнеромъ, при содѣйствіи кавалеріи графа Орлова-Денисова, принудилъ у Ляхова непріятельскую бригаду Ожеро положить оружіе. За это дѣло произведенъ въ полковники. При занятіи Вильны ворвался въ нее на плечахъ непріятельской кавалеріи, при чемъ былъ раненъ.

Проявлялъ такую-же дѣятельность въ войнахъ 1813 и 1814 г.г. и былъ произведенъ въ генераль-маіоры. Послѣ Наполеоновскихъ войнъ, покрытый девятью ранами, онъ оставилъ службу. Умеръ въ 1858 году.

Генераль-маіоръ графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ, 28 лѣтъ. Очень быстро сдѣлалъ карьеру: 21 года былъ уже артиллерійскимъ полковникомъ и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ кампаніи 1805 года, а въ слѣдующемъ году былъ уже произведенъ въ генераль-маіоры. Въ войну 1806—1807 г.г. выказалъ себя однимъ изъ самыхъ лихихъ и отважныхъ начальниковъ конной артиллеріи, особенно въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, за которое и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ эту-же кампанію онъ получилъ саблю за храбрость, усып. алмазами. Въ Отеч. войну онъ былъ начальникомъ артиллеріи 1-й арміи съ начала войны до Бородинскаго сраженія включительно. Въ сраженіи подъ Смоленскомъ онъ принесъ большую пользу своими распоряженіями. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ рано погибъ и потому не могъ принести ожидавшейся отъ него пользы. Онъ былъ убитъ въ началѣ сраженія, неизвѣстно какъ и гдѣ; объ его смерти узнали по окровавленному сѣдлу его прибѣжавшей лошади. Тѣло его не было найдено. Его раннему выбитію изъ строя въ этомъ бою приписываютъ неполное проявленіе мощи нашей многочисленной артиллеріи: многія наши батареи совсѣмъ не были употреблены въ дѣло и напрасно простояли въ резервѣ, подвергаясь убійственному непріятельскому огню.

Молодой, красивый, образованный, даровитый, смѣлый—онъ пользовался любовью въ арміи, и потеря его была очень чувствительна.

Подполковникъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, 28 лѣтъ—нашъ знаменитый партизанъ Отечеств. войны, инициаторъ примѣненія въ ней партизанскихъ дѣйствій. До Отеч. войны имѣлъ уже хорошую боевую школу, которую прошелъ подъ непосредственнымъ руководствомъ двухъ славныхъ воиновъ—Баграціона и Кульнева. У перваго онъ былъ адъютантомъ въ войну 1806—1807 г.г. противъ Наполеона, а затѣмъ въ Турецкую войну. Въмѣстѣ съ Кульневымъ онъ участвовалъ въ шведской войнѣ 1808—1809 годовъ и, по словамъ самаго Давыдова, „въ поучительной школѣ этого неусыпнаго и отважнаго воина онъ окончилъ курсъ аванпостной службы и позналъ цѣну спартанской жизни, необходимой для всякаго, кто рѣшился нести службу, а не играть со службою“. Какимъ образомъ Ахтырскаго гусарскаго полка подполковникъ Давыдовъ, незадолго до Бородинскаго сраженія, предложилъ партизанскій способъ дѣйствій, какъ къ этому сначала отнеслись недоувѣрчиво, но какъ послѣ перваго его успѣха способъ этотъ получилъ широкое примѣненіе въ нашей арміи—разсказано въ нашемъ „Очеркѣ войны“ (стр. 20).

Открывъ партизанскія дѣйствія послѣ Бородинскаго сраженія, Давыдовъ велъ ихъ въ теченіе всей Отечеств. войны. Наиболѣе крупная изъ его дѣлъ: плѣненіе бригады Ожеро подъ Ляховымъ (совмѣстно съ партизанами Сеславинымъ и Фигнеромъ и кавалеріею графа Орлова-Денисова), нападеніе подъ Копысемъ на 3.000-ное непріятельское кавалерійское депо и разсѣяніе его, занятіе Гродны.

Участвовалъ со славою въ послѣдующихъ войнахъ нашихъ съ Наполеономъ, которыя и закончилъ генераль-маіоромъ. Впослѣдствіи участвовалъ въ Кавказскихъ войнахъ и польской войнѣ 1830—1831 г.г. Бывъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, вышелъ въ отставку. Въ 1838 году возбудилъ вопросъ о перенесеніи праха Баграціона на Бородинское поле и назначенъ былъ сопровождать его перевезеніе, но за нѣсколько мѣсяцевъ до того, въ апрѣлѣ 1839 года, умеръ.

Д. В. Давыдовъ былъ не только славный воинъ, но и поэтъ; его стихи, которыхъ не мало, своеобразны. Оригинальность его поэтическаго творчества была признана А. С. Пушкинымъ, который сказалъ, что онъ Д. В. Давыдову обязанъ тѣмъ, что не поддался подражанію Жуковскому, а пошелъ самостоятельнымъ путемъ, т. к. Давыдовъ своимъ творчествомъ далъ ему почувствовать, что можно быть оригинальнымъ. Кромѣ стиховъ, Давыдовъ оставилъ нѣсколько военныхъ сочиненій; наиболѣе крупная изъ его военно-литературныхъ работъ—„Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій“.

П. С. Кайсаровъ

А. Н. Сеславинъ

Графъ А. У. Кутаисовъ

Д. В. Давыдовъ 2-ой

Картина № 55

Кисти художника ДОУ.

Портреты выдающихся деятелей Отечественной войны:

Кульневъ, Ламбертъ, Ожаровскій, Чаплицъ.

Находится въ Военной галлерей Зимняго дворца.

Генералъ-маіоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ, 49 лѣтъ. Участникъ Турецкой и Польской войнъ Екатерининскаго времени, войны 1806—1807 г.г. противъ Наполеона и Шведской 1808—1809 годовъ. Въ послѣдней принималъ выдающееся участіе, получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст., стяжалъ славу рѣдкаго авангарднаго начальника и приобрѣлъ огромную популярность. Затѣмъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ которой получилъ брильянтовую саблю. Энергія его и бдительность дѣлали его незамѣнимымъ авангарднымъ начальникомъ. „Я не сплю и не отдыхаю, чтобы армія спала и отдыхала“, говорилъ онъ. Въ Отеч. войну съ самаго ея начала командовалъ авангардомъ I-го корпуса (графа Витгенштейна). Блестящимъ его дѣломъ было дѣло 3 іюля у Друи. Съ однимъ гусарскимъ и однимъ казачьимъ полками онъ неожиданно напалъ на бригаду непріятельской авангардной кавалеріи (изъ дивизіи Себастіани), опрокинулъ ее и захватилъ въ плѣнъ бригаднаго генерала (Сень-Женье), 3 офицеровъ и 140 нижнихъ чиновъ. Дѣйствія Кульнева были настолько энергичны и рѣшительны, что Себастіани, имѣвшій двѣ бригады въ 1800 коней, опредѣлилъ силы Кульнева въ 4000 человекъ и отступилъ на 10 верстъ. Молодецкое дѣло у Друи обезпостило Наполеона и вызвало у него предположеніе о переходѣ нашей арміи въ наступленіе. Вскорѣ послѣ этого разыгрались Клястицкіе бои (описаніе ихъ см. въ объясненіи къ картинѣ № 4), въ одномъ изъ которыхъ онъ былъ убитъ: ему ядромъ оторвало обѣ ноги.

Имя его присвоено одному изъ полковъ нашей арміи, который называется 6-мъ гусарскимъ Клястицкимъ генерала Кульнева полкомъ.

Генералъ-маіоръ графъ Карлъ Осиповичъ Ламбертъ, 41 года. Французскимъ офицеромъ королевской арміи, при революціи 1793 года, эмигрировалъ въ Россію и принять въ русскія войска. Въ польскую войну 1794 года заработалъ орденъ Св. Георгія 4 ст. Въ Швейцарскомъ походѣ 1799 г. былъ раненъ. Въ войнѣ 1806—1807 г.г. получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. Отечественная война застаётъ его начальникомъ 5-й кавал. дивизіи, въ чинѣ генералъ-маіора; дивизія поступаетъ въ составъ 3-й арміи Тормасова; здѣсь кромѣ 5-й ему подчиняется и 8-я кавал. дивизія, онъ становится начальникомъ кавалерійскаго корпуса этой арміи и отличается въ бояхъ: подъ Кобринымъ (получаетъ золотую саблю съ алмазами) и при Городечнѣ (производится въ генералъ-

лейтенанты). Съ переходомъ 3-й арміи въ наступленіе къ Минску (уже подъ начальствомъ Чичагова) графъ Ламбертъ, слѣдуя въ авангардѣ, смѣло тѣснитъ непріятеля, поражаетъ его при Кайдановѣ, овладѣваетъ Минскомъ и затѣмъ укрѣпленной Борисовской переправой черезъ р. Березину. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ онъ получаетъ тяжелую рану и вынужденъ оставить строй. Это былъ отличный авангардный начальникъ, смѣлымъ и умѣлымъ дѣйствіямъ котораго армія Чичагова обязана рядомъ побѣдъ и захватомъ Борисовской переправы черезъ р. Березину. Выходъ его изъ строя уже черезъ нѣсколько дней сказался неблагоприятными послѣдствіями: пораженіемъ авангарда арміи Чичагова у Лошницы, неожиданнымъ нападеніемъ непріятеля на главныя силы Чичагова у Борисова и отгѣсненіемъ ихъ за р. Березину.

По состоянію своего здоровья графъ Ламбертъ могъ возвратиться въ строй лишь въ 1814 году, затѣмъ онъ участвовалъ во взятіи Парижа. Умеръ въ 1843 году, въ чинѣ генерала отъ кавалеріи и въ должности сенатора.

Генералъ-адъютантъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій, 37 лѣтъ. Во время преслѣдованія арміи Наполеона отъ Мало-Ярославца, командовалъ однимъ изъ передовыхъ летучихъ отрядовъ. Дѣйствія его отличались энергіей и смѣлостью. Причинилъ много вреда непріятелю. Умеръ въ 1855 г. членомъ государственнаго совѣта.

Генералъ-маіоръ Е. И. Чаплицъ. Отважный авангардный начальникъ въ 3-й арміи (Чичагова). Во время наступленія этой арміи отъ Бреста къ Минску, въ концѣ октября мѣсяца Чаплицъ съ отдѣльнымъ отрядомъ былъ высланъ къ Слониму для прикрытія арміи Чичагова съ тыла. Онъ неожиданно налетѣлъ на Слонимъ и овладѣлъ имъ, при этомъ уничтожилъ только что сформированный польско-литовскій гвардейскій уланскій полкъ и взялъ въ плѣнъ его командира—генерала Конопку.

Во время преслѣдованія арміи Наполеона отъ р. Березины, Чаплицъ командовалъ авангардомъ арміи Чичагова. Энергично тѣснилъ непріятеля и нанесъ рядъ поражений его арьергарду. Такъ у Сморгони 24 ноября онъ разсѣялъ арьергардъ арміи Наполеона подъ начальствомъ Виктора, взялъ 28 орудій и 3.000 плѣнныхъ; 26 ноября у Ошмянъ захватилъ 60 орудій и 2.000 (по нѣкоторымъ показаніямъ 4000) плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ адъютантъ маршала Даву; 28 ноября вытѣснилъ непріятеля изъ Вильны и занялъ ее.

ПОПРАВКА. Подъ третьимъ портретомъ написано Ожаревскій; должно быть Ожаровскій.

А. П. Кульневъ

Графъ К. О. Де-Ламбертъ

Графъ А. П. Ожаровскій

Е. У. Чумовъ

Портреты выдающихся деятелей Отечественной войны:

Ростопчинъ, Тормасовъ, Чичаговъ, Уваровъ, Фигнеръ, Бибииковъ, Арнольди.

Портреты Тормасова, Уварова и Бибиикова находятся въ „Военной галлерей“ Зимняго дворца.

Генералъ отъ инфантеріи графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ — въ Отеч. войну главнокомандующій въ Москвѣ, или по теперешнему Московскій генералъ-губернаторъ, 49 лѣтъ отъ роду. Началъ службу въ Л. Гв. Преображ. полку въ царствованіе Екатерины Вел. Приобрѣлъ особую любовь Великаго Князя Павла Петровича, будущаго Императора Павла I, который по восторженіи своемъ на престолъ произвелъ Ростопчина въ генералъ-майора и назначилъ его генералъ-адъютантомъ для докладовъ по воен. дѣламъ. Затѣмъ онъ пользовался особыми милостями Императора, получая ордена, подарки, богатые помѣстья: въ 1799 году онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, затѣмъ назначенъ главнымъ директоромъ почтово-телеграфнаго департамента и членомъ госуд. совѣта (37 лѣтъ). Послѣ кончины Императора Павла I онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ, посвящая свои досуги литературѣ. Передъ Отеч. войною, а именно въ маѣ 1812 г., онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. На этомъ посту онъ стремился поддерживать въ населеніи патріотическое настроеніе и ненависть къ вторгнувшемуся въ отечество врагу; для этого онъ составлялъ, печаталъ и распространялъ воззванія, которыя получили названіе „Ростопчинскихъ афишъ“. Пожаръ, возникшій въ Москвѣ по занятіи ея непріятелемъ и столь гибельный для врага, молва приписала Ростопчину. Нѣкоторые распоряженія его (сожженіе казенныхъ складовъ, барокъ на Москвѣ-рѣкѣ, увозъ пожарнаго снаряда и проч. оправдываютъ это предположеніе; однако нѣтъ явныхъ доказательствъ его распоряженій о поджогѣ домовъ въ Москвѣ, да и собственные его два дома въ Москвѣ уцѣлѣли отъ пожара. Но великолѣпный домъ свой въ с. Вороновѣ на дорогѣ изъ Москвы въ Калугу онъ приказалъ сжечь, при приближеніи къ нему непріятеля, и домъ этотъ былъ сожженъ, такъ что непріят. войска по приходѣ въ с. Вороново нашли лишь пепелище, а на желѣзныхъ дверяхъ уцѣлѣвшей церкви слѣдующую надпись на франц. языкѣ: „Я въ продолженіе 8 лѣтъ устраивалъ это помѣстье и счастливо жилъ здѣсь въ кругу своей семьи. Жители этого селенія, въ числѣ 1720 человекъ, при приближеніи нашемъ, его покидаютъ, и я самъ поджигаю свой домъ, чтобы вы не осквернили его нашимъ въ немъ пребываніемъ! Французы, я оставилъ вамъ въ Москвѣ два моихъ дома, со всею обстановкою стоимостью въ полъ-милліона рублей; а здѣсь ужъ вы застанете одно пепелище“. Такъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ графъ Сегюръ, тогда адъютантъ Наполеона. Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ называлъ Ростопчина зажигателемъ, Геростратомъ, сумасшедшимъ. По очищеніи непріятелемъ Москвы, Ростопчинъ вернулся туда и, оставаясь еще въ теченіе двухъ лѣтъ ея главнокомандующимъ, сдѣлалъ много къ возрожденію ея изъ пепла и разоренія. Въ 1814 году онъ былъ уволенъ отъ этой должности и назначенъ членомъ Гос. Совѣта, а въ 1823 году по собственному ходатайству уволенъ и отъ этой должности. Умеръ въ 1826 году.

Генералъ отъ кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ, 60 лѣтъ. Передъ Отеч. войною былъ уже испытанный продолжительною военною вообще и въ частности боевою службою генералъ. Въ особенно благоприятномъ свѣтѣ выказалъ свои военно-административныя и боевыя способности на должности главнокомандующаго въ Грузіи и на Кавказской линіи (1808—1812 г. г.). Отеч. война застала его въ должности главнокомандующаго 3-ю обсервационною арміею, расположенною на Волыни. За успѣшныя дѣйствія этой арміи и побѣду при Кобринѣ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. и 50,000 рублей. Послѣ прихода изъ придунайскихъ княжествъ на Волынь арміи Чичагова и соединенія этой арміи съ 3-й подъ общее начальство Чичагова, Тормасовъ былъ отозванъ въ квартиру главной арміи князя Кутузова, гдѣ и оставался до конца Отеч. войны. Участвовалъ и въ весенней кампаніи 1813 года, временно ставъ во главѣ нашей арміи по смерти Кутузова. Но скорѣ по разстроенному здоровью покинулъ армію и былъ назначенъ членомъ Госуд. Совѣта. Въ 1814 году былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ (на мѣсто Ростопчина). Въ 1816 году возведенъ въ графское достоинство. Умеръ въ 1819 году.

Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, 52 лѣтъ. До 1812 года проходилъ морскую службу, строевую и административную. Началъ ее съ должности адъютанта у своего отца, знаменитаго своими морскими побѣдами въ Балтійскомъ морѣ адмирала Василия Яковлевича Чичагова. П. В. Чичаговъ имѣлъ тоже хорошую боевую практику, заработавъ въ 1789 году орденъ св. Георгія 4-й ст. и золотую шапку „за храбрость“. При образованіи министерствъ былъ главнымъ дѣятелемъ по образованію морского министерства, затѣмъ былъ назначенъ товарищемъ морского министра, а потомъ и морскимъ министромъ. Въ 1811 году назначенъ состоять при Особѣ Его Императорскаго Величества, сенаторомъ и членомъ Государ. Совѣта. Въ началѣ 1812 года, когда Государь былъ недоволенъ затяжкою переговоровъ Кутузова съ турецкимъ правительствомъ о мирномъ трактатѣ, Чичаговъ былъ посланъ въ Дунайскія княжества на смѣну Кутузова, но пріѣхалъ уже тогда, когда договоръ о мирѣ съ Турціею былъ заключенъ Кутузовымъ. Все же адмиралъ Чичаговъ остался главнокомандующимъ нашей Дунайской арміи (сухопутной) и скорѣ повелъ ее въ Волынь на соединеніе съ арміею Тормасова. По соединеніи, онъ обѣ образовали одну армію, и начальство надъ нею было ввѣрено Чичагову, а Тормасовъ былъ отозванъ. Вскорѣ началось осуществленіе Государева плана объ окруженіи Наполеона. Во исполненіе этого плана Чичаговъ повелъ свою армію къ р. Березинѣ. Движеніе это было исполнено энергично; заняты г. Минскъ, а затѣмъ занята и укрѣпленная непріятелемъ Борисовская переправа черезъ р. Березину. Но когда Наполеонъ приблизился къ Березинѣ, Чичаговъ поддался обману Наполеона и ложнымъ направленіемъ своей арміи далъ ему возможность устроить на р. Березинѣ новую переправу и переправить свою армію черезъ эту рѣку. Однако дальнѣйшее преслѣдованіе остатковъ арміи Наполеона къ Вильнѣ, и далѣе Чичаговъ снова велъ весьма энергично. Въ 1813 году, по болѣзни, уѣхалъ за границу и съ того времени не возвращался въ Россію. Умеръ въ 1849 году.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Федоръ Петровичъ Уваровъ, 39 лѣтъ. Молодой кавалерійскій генералъ съ орденомъ св. Георгія 2-й ст. (получилъ въ 1810 г. въ войнѣ противъ Турціи). Еще въ чинѣ гене-

ралъ-майора онъ императоромъ Павломъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ Отечеств. войну командовалъ 1-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, входившимъ въ составъ 1-й арміи. Особенно видное участіе имѣлъ въ Бородинскомъ сраженіи (см. картину № 12 и объясненіе къ ней). Принималъ участіе и въ послѣдующихъ Наполеоновскихъ войнахъ, когда и произведенъ въ генералы отъ кавалеріи и награжденъ орденомъ св. Владимира 1-й ст. Послѣ этихъ войнъ былъ однимъ изъ любимыхъ генералъ-адъютантовъ Императора Александра I. Въ 1821 году назначенъ командующимъ отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ. Умеръ въ 1824 году.

Капитанъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ — извѣстный партизанъ Отечеств. войны, о дѣятельности котораго имѣется много разсказовъ почти легендарнаго свойства. До Отеч. войны онъ имѣлъ уже орденъ св. Георгія 4 ст. за доставленіе важныхъ свѣдѣній очень смѣлою рекогносцировкою турецкой крѣпости Рушукъ въ войну 1810 года. Отечественную войну онъ началъ офицеромъ въ 11 артиллерійской бригадѣ и съ отличіемъ участвовалъ въ бою 7 августа (при Лубинѣ), въ которомъ со своею батареею, расположенною за р. Страганью, удержалъ натискъ французовъ на наше лѣвое крыло и отбилъ атаку непріятельской пѣхоты на эту батарею. Съ открытіемъ партизанскихъ дѣйствій Фигнеръ сталъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ, до дерзости, партизановъ. Онъ рѣшался и умѣлъ, переодѣваясь, проникать въ непріятельское расположеніе, вступать въ разговоры съ офицерами непріятельской арміи, прислушиваться къ ихъ разговорамъ и такимъ путемъ получать много важныхъ свѣдѣній. Этотъ образъ дѣйствій облегчался для него знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ (въ томъ числѣ италіанскаго) и конечно требовалъ отъ него необычайной смѣлости и самообладанія. Такому образу дѣйствій способствовало и особое настроеніе его души. Онъ былъ ненавистникомъ Наполеона по убѣжденію, готовился къ смерти съ самаго начала Отечественной войны, ежедневно ходилъ въ церковь и молился со слезами. По занятіи непріятелемъ Москвы, онъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, отправился туда, въ продолженіе дня ходилъ по городу, переодѣтый то во фракъ, то въ крестьянскую сермягу, пробираясь въ дома, занятые непріятелемъ, и вывѣдывалъ, что было нужно; а ночью, вооруживъ нѣсколько жителей, нападалъ на непріятельскихъ людей и, какъ говорятъ, искалъ случая убить самого Наполеона.

Фигнеръ не ограничивался однако такого рода дѣятельностью, такъ сказать въ одиночку, развѣдывательнаго характера, а производилъ также набѣги и нападенія на непріятельскіе обозы, транспорты и небольшіе отряды, наравнѣ съ другими славными партизанами. Въстѣ съ Давыдовымъ и Сеславиннымъ и кавалеріею графа Орлова-Денисова онъ у Ляхова 28 октября принудилъ непріятельскую бригаду генерала Ожеро положить оружіе.

Продолжая свою дѣятельность и въ 1813 году, Фигнеръ сложилъ свою голову въ Германіи, будучи уже полковникомъ и флигель-адъютантомъ, получивъ то и другое за отличіе. Окруженный со своимъ небольшимъ партизанскимъ отрядомъ непріятельскою конницею, онъ бросился въ рѣку Эльбу (близъ Дессау въ Саксоніи) но, сраженный пулею, утонулъ.

Тайный совѣтникъ Александръ Александровичъ Бибииковъ, 47 лѣтъ. Государственную службу началъ офицеромъ и прослужилъ въ ней до чина капитана, получивъ въ шведской войнѣ (Екатерин. времени) орденъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1795 году перешелъ на гражд. службу и въ то время Отеч. войны былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. При формированіи ополченія, онъ былъ назначенъ начальникомъ 1-го отряда С.-Петербургскаго ополченія и, въ силу установленныхъ правилъ, надѣлъ генеральскій мундиръ. Его отрядъ принималъ видное участіе въ октябрскомъ сраженіи подъ Полоцкомъ (см. картину № 29 и объясненіе къ ней), и Бибииковъ былъ за это дѣло награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Послѣ того, кромѣ ополченскаго отряда, ему было ввѣрено командованіе 5-ю пѣхотною дивизіею (въ корпусѣ Витгенштейна). Въ сраженіи 2 ноября при Смоленскѣ былъ раненъ пулею въ ногу, но не покинулъ рядовъ. Въ сраженіи подъ Студянкою (Березинская переправа) не могъ сидѣть верхомъ на лошади, вслѣдствіе раны, но ѣздилъ по рядамъ своей дивизіи въ саняхъ. Перешелъ со своими ополченцами и за границу, съ которыми и участвовалъ въ кампаніи 1813 года, но въ августѣ вслѣдствіе болѣзни долженъ былъ покинуть строй и возвратился въ Россію въ сенатъ на должность сенатора, при чемъ ему дозволено было ношеніе военнаго мундира. Умеръ въ 1822 году.

Капитанъ Иванъ Карловичъ Арнольди, 30 лѣтъ. На портретѣ онъ изображенъ въ генеральскомъ мундирѣ, но въ Отечеств. войну онъ былъ только капитаномъ артиллеріи и командовалъ 13-ю конною артиллерійскою ротою, которая входила въ составъ арміи Чичагова. Участіе Арнольди въ Отеч. войну было наиболѣе ярко въ октябрскомъ набѣгѣ отряда Чаплица на Слонимъ и въ ноябрьскихъ бояхъ на р. Березинѣ. Набѣгъ отряда Чаплица на Слонимъ ознаменовался уничтоженіемъ только что сформированнаго польско-литовскаго гвардейскаго уланскаго полка непріятельской арміи и плѣненіемъ его командира — генерала Конопки. Въ этомъ набѣгѣ капитанъ Арнольди въ 25 верстахъ отъ Слонима, во главѣ небольшого отряда изъ 100 гусаръ и полусотни казаковъ, нагналъ отдѣлившійся отъ полка Конопки отрядъ уланъ, захватилъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ съ 200 нижн. чиновъ и отбилъ полковой денежный ящикъ съ большимъ запасомъ денегъ въ золотѣ.

На Березинѣ Арнольди со своею конно-артиллерійскою ротою участвовалъ во всѣхъ бояхъ 14—16 ноября на правой сторонѣ р. Березины противъ с. Студянки, гдѣ Наполеонъ устраивалъ переправу и переправлялъ по ней свою армію; вся артиллерійская рота Арнольди была почти уничтожена, но принесла большую пользу.

Затѣмъ онъ участвовалъ въ кампаніи 1813 года, въ которой заработалъ орденъ св. Георгія 4-й, а въ Лейпцигскомъ сраженіи потерялъ лѣвую ногу. Но и съ одной ногой онъ продолжалъ оставаться на военной службѣ. Въ 1825 году участвовать въ печальной церемоніи перевезенія тѣла Императора Александра I изъ Таганрога, затѣмъ принимаетъ участіе въ войнахъ 1828 и 1829 годовъ, въ чинѣ генералъ-майора, при чемъ оказываетъ особое отличіе въ сраженіи подъ Кулевчею (1829 г.). Заканчиваетъ свою службу чиномъ генерала отъ артиллеріи и должностью сенатора. Умеръ въ 1860 году.

*) Неудачное руководительство моряка Чичагова сухопутною арміею въ Березинской операціи послужило темой для извѣстной басни И. А. Крылова „Щука и котъ“, написанной въ 1813 году и начинающейся словами: „Бѣда колы пироги начнеть печи сапожники, а сапоги точать пирожники“.

*) На основаніи Высоч. повелѣній, регулировавшихъ организацію ополченій въ Отеч. войну, гражданскіе чиновники, въ чинахъ тайныхъ и дѣйств. статскихъ совѣтниковъ, поступаая въ ополченіе, получали право надѣть генеральскій мундиръ, безъ присвоенія имъ однако военныхъ чиновъ.

А. Н. Морозовъ.

А. С. Финеръ

П. В. Чичаговъ.

У. К. Арнольдъ.

Графъ О. В. Ростопчинъ.

О. Н. Зваровъ.

А. А. Бибиковъ.

